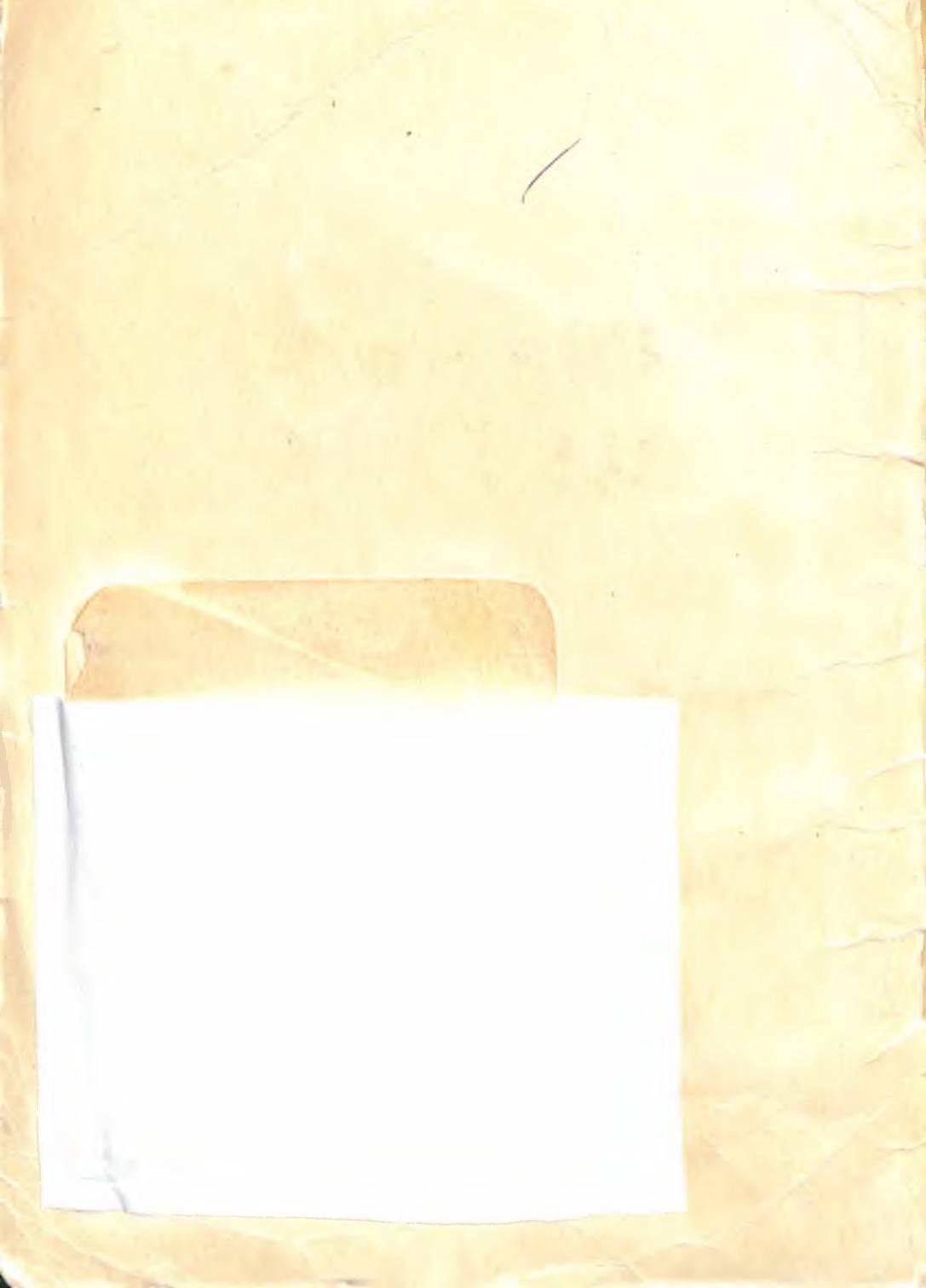


84(2-411.2)

Д.318

*А. Демченко*  
**ГОРНЫЙ  
ЦВЕТOK**



D2  
431

А. Демченко

# ГОРНЫЙ ЦВЕТОК

РАССКАЗЫ

11914  
✓

БИБЛИОТЕКА  
СМБ-ШКОЛА

АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО  
Барнаул 1963





# А

евочке было одиннадцать лет. Она росла худенькой, но подвижной и быстрой, как метелица. У нее были черные волосы, остриженные под кружок, а глаза походили на спелую смородину.

Ее звали Чечек — Горный цветок.

Никто из сверстниц не мог так уверенно и смело вскочить на коня и мчаться на нем, держась за гриву без узды и без повода, сбить камнем с самой верхушки кедра спелую шишку или вытянуть дольше других высокую ноту.

Любила Чечек после уроков перебежать речку Урсул по синему в белых прожилках льду и, забравшись мигом на перевал, разыскать в широкой высокогорной долине отару овец, которую пасла ее мать — лучший чабан колхоза. Заметив дочь, мать подъезжала к ней, усаживала ее впереди себя на седле и долго расспрашивала про школу, уроки...

Это были радостные и счастливые минуты.

Вот и сегодня Чечек торопилась перебежать Урсул, найти мать, рассказать ей о том, как хорошо в школе прочитала стихи про зимний вечер и, главное, узнать о ее самочувствии: с утра у нее болела голова. Мать хотела заявить об этом животноводу, но раздумала: кто же так неожиданно может заменить ее, а потом она никогда не передоверяла никому своей отары, кроме разве Чечек, да и то на час — на два, не больше.

До отары совсем близко. Чечек уже видит ее.

Снега в долине совсем мало, и овцы легко выбирают из-под него засохшую траву.

Слева показалась «трясучка» — это глубокая впадина, окруженная с двух сторон громадами камней. Летом трясучка покрывается непроходимыми зарослями камыша, осокой, волчьей ягодой. Меж кочками до самых заморозков блестит гнилая вода. В этом месте, говорили в урочище, много всякого зверя.

Чечек боязливо взглянула на трясучку: только это место и пугало ее во всей долине.

Отара паслась у ближнего кедрача. Издали овцы походили на черные папахи, разбросанные по долине. Позади отары стояла мать.

«Значит, ничего, — обрадовалась девочка. — Может, просто так... Поболит голова... Пройдет».

Чечек побежала дальше, поднялась на перевал, оглянулась.

Сизые струйки дыма над урочищем поднимаются прямо вверх: тихо... Девочка видит дома, ей кажется, что они походят на своих хозяев. Вон стоит избушка Конош. Разве клок соломы, торчащий над окном, не походит на прядь волос, свисающую у Конош над глазом?

А маленькие веселые окна Белешевых, разве они не походят на глаза насмешника Чадая Белешева? Так и кажется Чечек, что подпрыгнет этот домик, хлопнет белыми ставнями и брызги лучей заискрятся в окнах, как в глазах парнишки Чадая.

Хорошо постоять на горе. Оттого ли, что здесь много солнца, или от чего другого, но только всегда хотелось здесь петь: затянуть песню высоко-высоко, а потом оборвать и слушать, как пошла она по ущелью, множась и дробясь. Это невидимый почтальон — эхо — понес ее по вершинам гор.

— Эй-е-е-й! — кричит Чечек, а дальние ущелья уже отвечают ей:

— Эй-эй!

— Ого-го-го! — кричит она, приставив ко рту ладони, и снова слышит ответ:

— О-о!

Улыбнется Чечек. Ее, наверное, со всех гор видно, со всех ущелий слышно... Что-то уж сегодня очень тепло? Фу!

Расстегнув шубку, девочка устремляется в долину. Снег мелкий, но бежать все равно нелегко...

Сегодня Чадай на перемене сказал, что если бы у него не скользили подошвы, он мог бы бежать с конем рядом.

«Нехорошо связываться при всех с хвастунишкой... А ты вот сейчас потягайся со мною, догони... хватит ли у тебя духу, Чадай?»

Чечек раскраснелась и даже чуточку задыхаться стала: так ведь это снег, а не дорога... И все-таки не хочется сбавлять бега. Так и кажется, что Чадай где-то рядом, сбоку бежит... Прямо страшно оглянуться... Но вот навстречу Чечек широкими прыжками летит, распутив хвост, быстроногий Дозор. Через минуту он у ее ног и, визжа от радости, хватает ее за шубку.

— Ох, Дозор! Ох! — кричит девочка и падает в снег. Мать видит это, укоризненно качает головой и идет навстречу. Вскочив, Чечек бросается к матери, а вислоухий кидается ей под ноги и мешает идти.

— Пошел! Пошел, вредный! — отбивается от него девочка, а ему того и надо, чтобы заговорили с ним.

Только и поиграть, пока Чечек в отаре.

— Пошел! — отмахивается девочка от собаки и кричит матери:

— Вот и я!

Та ласково кивает головой.

— А я хотела собирать отару.

Только сейчас разглядела девочка, как горит лицо матери и особым блеском светятся глаза.

— Ты болсешь? — в голосе девочки испуг.

Мать притягивает ее к себе, и Чечек чувствует, как тяжело и жарко дышит она.

— Пройдет... Наверно, вчера студеной воды напилась.

— Тогда надо гнать отару домой.

— Рановато, доченька... срок еще не вышел. Солнце не дошло до своего места.

— Тогда я допасу,— заявила девочка.— Ты поезжай домой.

— Заботливая моя.— Женщина ласково погладила дочь по волосам.— Справишься ли?

— Разве я не заменяла тебя?

Мать улыбнулась через силу.

— Я помогу тебе сесть на коня...

Женщина колебалась, но она чувствовала, что у нее не хватит сил, и подумала: «Чечек уже взрослая... Не раз она помогала мне... Доеду до конторы, скажу людям, и они помогут ей довести отару до места».

С трудом поднялась на седло. Хотела что-то сказать, но девочка опередила ее.

— Не бойся, мамочка, вот и Дозор мне поможет... Правда, Дозор? — Собака вильнула хвостом и подпрыгнула к лицу девочки.— Видишь, он согласен...

Мать улыбнулась.

— Как солнце коснется Бубургана, так и гони отару домой.

Мать уехала, а девочка уже разговаривала с собакой:

— Давай скучим овечек, отгоним их от леса, тогда нам с тобой будет легче гнать отару... Правда, Дозор?

Собака взвизгнула от удовольствия, не сводя преданных глаз со своей веселой хозяйки.

У деревни, на льду Урсула, Мария Елатовна встретила Чада с мальчиками.

— Чадай! — позвала она его.— Там с отарой осталась Чечек. Если запоздает, помогите ей загнать овечек.

Ребята с радостью согласились.

В конторе никого не оказалось: председатель со счетоводом уехали в райцентр, животновод — на дальних тебеневках. При-

дет ли он к вечеру — еще неизвестно. Мария Елатовна подумала: «Полезу дома, отдохну, и тогда сама выведу к ней на встречу...»

Дома затопила печь. Яркие блики огня вырывались через круглое отверстие в дверке и прыгали по полу. Прилегла на койку и смотрела на огненные языки, — а это уже вовсе не блики, а растут и зацветают на глазах весенние цветы — огоньки. Гудит в трубе жар, а это вовсе и не жар — это Урсул, взломав голубую кольчугу, ревет и мечется по камням, как зверь...

Осматривая отару, Чечек неожиданно обнаружила около старой дымчатой козы-вожака маленький серо-голубой комочек.

— Неужели окотилась? — удивилась девочка, подбегая к козе. — Так и есть... Что же мать ничего не сказала мне?

Чечек подняла на руки маленькую козочку, прижалась к ней лицом. Та вырвалась из рук, жалобно, испуганно кричала. Коза отвечала ей спокойно, деловито, словно говорила: «Ну, чего ты, дурочка? Это же наша Чечек!»

— Маленькая! — шептала девочка. — Как снежинка... Снежинка! Да мы тебя так и назовем... Снежинка! Как, Дозор?

Дозор тявкнул, сорвался с места, потом сел и снова тявкнул.

— Понятно, ты согласен.

Солнце быстро спустилось к Бубургану. Легкая сизая пелена дыма поднялась над Урсулом, расплзлась и закрывала деревню. А у Чечек еще светло.

Она опустила Снежинку и, встав на плиту-камень, осмотрела отару. Далеко разбрелись овцы. Часть у самого леса, часть отошла к трясучке. Вол туда страшно идти. Пока светло, оттуда и надо собирать отару.

— Ты здесь сиди! — наказывала она Дозору. — Карауль Снежинку! Слышишь?

Ой, как же ему не хотелось оставаться одному. И чего она сегодня такая строгая?

Дозор сорвется, взвизгнет, перебежит на другое место, подскочит к ней, ляжет на спину: так ему хочется поиграть с нею.

— Сиди! Сиди! — грозит пальцем девочка. — А я пошла.

Идет Чечек, сгоняет отару, а солнце все ниже, ниже. Вот уже от леса приближаются голубоватые тени. Вдруг стало как-то пасмурно. Чечек взглянула на небо, а это из-за Бубургана идет черная, с белыми барашками по краям туча. Остановилась девочка, боязливо огляделась кругом: очень мрачно там, у трясучки.

— Пошли! Пошли! — кричала она на овец, взмахивая пал-

кой. Овцы поспешно шли к козе-вожаку. Подул ветер и, словно вздохнув, снова затих.

Девочка уже кричала собаке:

— Гони козу! Гони! Тря! Тря!

Собака залаяла, бросилась к козе, та поднялась с земли, обнюхала свою Снежинку, позвала ее за собою...

И вдруг — вихрь. Он вздыбил, поднял со всех сторон снег и швырнул им в глаза девочки. На момент Чечек захлебнулась и потеряла отару. Овцы, опустив головы, сбились в кучу, повернулись и начали медленно двигаться по ветру. Девочка растерялась. Ветер гнал отару в сторону.

Загудело в ущелье. По долине, бешено приплясывая, заходили, завертелись вихри.

Чадай с мальчиками заигрался на льду и вспомнил о Чечек только когда стало пасмурно. Он посмотрел на тучу, сбив на затылок шапку, окрикнул ребят:

— Буран!.. А Чечек? Если буран ее захватит...

— Пошли! — закричали ребята и бросились на перевал. Идти тяжело: ноги скользят по крутому склону, а буран слепит глаза, сбивает с пути.

— Держитесь за мою палку! — крикнул Чадай. — Отара здесь, в этой долине.

Один ухватился рукой за палку Чадая, другой за палку товарища, и так брели они наугад вперед к долине. Снег бил в лицо, не было сил открыть глаза, посмотреть вперед, чтобы увидеть отару. Ребята сбились в кучу и начали кричать, но они не слышали даже своих голосов — где уж тут было услышать голос Чечек! Кругом мела снежная лавина, все рвало, крутило, стало совсем темно.

Прижавшись друг к другу, ребята шли вперед, в минуты короткого затишья стирая с лица снег, мелкие льдинки... Но отары не было.

Самый маленький из ребят, Томый, жалобно сказал:

— Может, она прогнала отару нижним спуском, а мы будем искать... Замерзнем или на волчью стаю налетим...

— Трус! — ответил Чадай.

— И совсем не трус! — возразил малыш. — Пока мы играли, она могла...

Его поддержал Баит.

— Идите домой, а я останусь один, — заявил вдруг Чадай... — Мы с Чечек в одном классе, в одном отряде...

— Чтоб и ты потерялся? — запротестовал Томый. И вдруг вскрикнул: — А это что там чернеется?

Ребята вгляделись в темноту.

— Это трясушка! — уверенно сказал Чадай.

— Трясушка, — прошептал Томый и шагнул назад.

Чадай сжал зубы. Ему и в обычное время не хотелось вспоминать об этом месте. Там зверье... Но сейчас он не хотел об этом даже думать. Надо разыскать Чечек. Надо найти овец.

— Тут где-то близко должна быть колхозная отара... И Чечек... Мы должны помочь.

— Должны помочь, — повторил Томый.

— Должны, — сказал и Баит, — но мы не сказали в деревне, что идем сюда.

— Нас могут тоже потерять...

— А кто же виноват в том, что началась буря?.. В долину мы всегда ходим, и никого это не беспокоит, — заметил Томый. — А тут пурга...

Ребята сели на камни передохнуть. Свистел ветер. Но вскорее снова, защищая руками лица, ребята пробирались дальше.

— Остановитесь! — крикнул Чадай. — Пойдемте рядом, ты, Томый, — слева, а Баит — справа. Будем держаться за руки. Так увидим больше.

Они двинулись вперед развернутым строем. Было темно. Был ураганный ветер, бесновался, взвизгивал, плясал, опоясывал ребят снежными жгутами, бросал их на сугробы, в ямы.

Ребята продолжали упорно продвигаться вперед. Им казалось, что они прошли уже десяток километров, а отары все нет и нет.

И тут Чадай вспомнил: минувшим летом с братом он ездил по этой высокогорной долине, искал пропавшую корову. Они проехали долину из конца в конец, не более чем за час. Здесь долина подходила к трясушке, а другим концом к глубокому обрыву из каменных нагромождений.

«А вдруг...» — мелькнула у него мысль. — Стойте! — Он сдвинул со лба заледеневшую шапку: сразу стало жарко. — Погодите!

Они присели на камень, прижавшись друг к другу.

— Там обрыв... Упадешь, ничего не останется...

Ребята испуганно огляделись по сторонам, словно стараясь определить, где же этот обрыв.

— Неужели Чечек... — начал было Томый, но Чадай перебил его.

— Будем держаться ближе к трясушке, Чечек должна понимать...

Томый вздрогнул:

— Волков там...

Чадай молча зашагал к грудке черневших камней. Ребята пошли за ним.

Чадай заметил:

— Отара шла дружно...

— Откуда знаешь? — удивился Баит.

— Ни одна овца не отстала, не замерзла.

— А может, они прошли где-нибудь стороной?

— Все равно... Если отара недружная, овцы разбежались бы по сторонам. Они попались бы нам... Это точно.

И снова шли, согнувшись, отворачиваясь от остро режущего ветра, к ущелью, которое ревело на разные голоса.

Чадай шел впереди, внимательно вглядываясь в каждый камень, в каждую кучу снега, надеясь найти следы исчезнувшей отары и Чечек.

— А вдруг? А если она ничего не знала про этот обрыв? Тогда все... **Смерть...**

Неожиданно стало тихо.

— Уж не обрыв ли это?

Ребята в страхе остановились.

— Нет... Это только скат у входа в ущелье.

Осторожно ступая шаг за шагом, ребята пошли вперед. И снова остановились: перед ними двигались снежные кучи. Чадай радостно вскрикнул:

— Эй-эй! Чечек!

-- Чечек! — закричали остальные. — Эй, эй!

Из-под ног шарахались в темноте какие-то снежные комки. Послышался лай собаки.

Это отара входила в ущелье, защищенное от ветра каменными стенами.

Ребята догнали Чечек у самой трясушей впадины. Сюда она и вела отару, держа в руках маленькую Снежинку. За нею шла коза, а за козою все стадо.

Стало совсем тихо. В темноте Чечек услышала голоса ребят, обрадовалась им. Опустила на землю Снежинку, присела на камень и не могла подняться: так устала.

Овцы сгруппировались в одну кучу.

Сюда собрались и ребята. Здесь тихо. Ветер воет за ущельем. Ребята отдыхают, сладко ноют ноги после такого пути.

Дозор бегаёт кругом, собирая овец в одну кучу, не давая им отходить в стороны.

Чечек чувствует себя хорошо. Она довольна: отара цела, ребята нашли ее, а с ними совсем не страшно.

— Зачем вы пошли сюда? — спросила Чечек Чадая, и он рассказал ей все. Слушая его, девочка задремала и через дрему думала: «Хороший Чадай! Может, он вовсе не хотел хвастаться. Может, он такой на самом деле?.. Смелый!»

На ферме волновались: начинается буря, а Марии Елатовны все нет... Кто-то предложил сходить к ней домой.

Пришедшие застали Марию Елатовну в жару. Она не могла ничего сказать... Было ясно, что Чечек в горах и ее надо спасать.

Тут обнаружилось, что исчезли и Чадай с ребятами: и они тоже, наверно, там.

Через каких-нибудь 15—20 минут весь поселок уже знал о случившемся. Секретарь комсомольской организации Карым Беяшев, брат Чадая, поднял всех парней совхоза. Были оседланы лошади, и группа всадников тотчас же выехала в долину.

Всю ночь они бороздили долину, несколько раз подъезжали к ущелью, к обрыву, но отары так и не нашли. Перед рассветом вернулись обратно. Деревня не спала, волновалась, многие были уверены в том, что отара сорвалась с обрыва и разбилась, погибли с нею и дети...

Чуть рассвело, и конные снова двинулись в путь к подошве обрыва. За ними шли и пешие. На дне обрыва никого не обнаружили.

Значит все живы!

И тогда вспомнили про ущелье у трясушки.

...На всем скаку всадники ворвались в ущелье, а когда стали уже спускаться к впадине, навстречу им бросился лохматый пёс Дозор. Он прыгал перед мордами лошадей, повизгивал, лаял и бежал вперед.

Карым, привстав в седле и заслоняясь рукою от лучей восходящего солнца, всматривался вперед, но ничего не мог заметить.

— Да где же отара? — проговорил он про себя, и вдруг его конь и кони товарищей, испуганно всхрапнув, отпрянули назад: снежные кучки, разбросанные по всей долинке, зашевелились, повскакивали и начали расходиться по площадке.

Вся отара была белой. Из самой середины ее поднимались ребята. Они жмурились от солнца, отряхивались от снега.

Карым соскочил с коня, обхватил ребят крепкими руками.

— Молодцы, ребята! Спасибо вам! — и остановился. — А это что?

— Снежинка! — и Чечек показала ему маленького козленочка.



## ТОМЫЙ

# Н

а проталинах цвел кандык. Ребята целый день острыми палками добывали его сладкий корешок. Вечером вернулись с охоты отец Томья.

— Смотри, кого я тебе принес, Томый,— сказал отец и вытряхнул из мешка серый пухлый комочек. Томый удивленно смотрел и не мог понять, что это такое. Когда комочек зашевелился, а потом из лохматой шубки его показалась острая мордочка и колючие глаза, мальчик обрадованно воскликнул:

— Волк! Живой волк! — и бросился к зверенышу. Волчонок бежал от него по избе, прятался под стол, под лавку и щелкал на Томья острыми зубами.

— Куйрук йок! — разочарованно крикнул Томый, поймав непокорного волчонка.

— Да, он куцый, — сказал отец, — но от хорошей сильной матери. Посмотри в сенях.

В сенях лежала редкой величины волчица.

Скоро все урочище знало, что у Томья растет волк. Томый показывал его ребятам и не мог не видеть, как горели завистью их глаза. А Кюндючи сказала:

— Он совсем некрасивый, бесхвостый. И когда вырастет, загрызет тебя.

Но что смыслит в таких делах девчонка? Настоящий охотник, каким непременно будет Томый, знает цену зверю. Куцый будет его другом. Его выкормит сука, и он станет охотничьим псом, у него будут острый нюх и сильные ноги. Ничего не смыслит завистливая девчонка.

Томый часто снимал с гвоздя двухстволку, оставленную братом, и деловито осматривал ее. «Береги ружье, пока вернусь, — говорил Синюш, уходя в армию. — Приеду, новое куплю».

И чего она понимает, эта заноза, в мужских делах?!

Куцый жил замкнуто, был угрюм. На заигрывание щенят отвечал грубостью. Сука с неудовольствием подпускала его к себе и дивилась странному поведению этого большого урода.

Не чуждался Куцый одного Томья. С ним он играл и решал что угодно делать с собой. Томый целыми днями возился с ним, придумывал различные игры. Но время шло, и Томый заметил, что с каждым днем Куцый становился все раздражительней и злей. Все чаще стал отлучаться из дому и все больше сторонился собак.

Через три месяца он выглядел совсем взрослым и даже сканил зубы на «мать». Никто не слышал, чтобы он по-собачьи залаял. Однажды Куцый уселся за оградой на пригорке и долго и жадно внюхивался в дышавший прохладой вечер. Потом он издал какой-то гортанный, резкий звук, похожий на отрывистый вой. От этого звука вздыбилась шерсть на спине суки. Чем-то враждебным, звериным повеяло на нее. К середине лета Куцый был статен и высок, с могучей развитой грудью. Клыки блестели, как охотничьи ножи.

— Надо его посадить на цепь, — сказал отец, — а то он всех собак перегрызет в селе.

Железный ошейник Куцый возненавидел с первого дня. Он

грыз цепь и зло метался у столба. Томый кормил его с рук и жалостливо уговаривал:

— Потерпи,— говорил он.— Вот стану взрослым мужчиной и тогда отпущу тебя. Потерпи.— Куцый терся спиной о ноги мальчика и тянулся острой мордой к лесу.

Пожелтевшие листья рябины трепетно кружились в воздухе, падали на землю. Высоко в небе тянулись караваны крикливых журавлей. Речки громче звенели по ночам, однажды где-то в горах раздался одинокий волчий зов. Куцый вскочил на ноги, задрал морду и впервые завыл сильным грудным голосом. Он выл гневно и зло. Отчаяние и тоска слышались в его голосе. Урочище откликнулось сотнями собачьих глоток. Куцый резко оборвал вой и жадно посмотрел в поредевший лес. Через мгновение оттуда донеслось жалобное тоскующее завывание. Куцый бешено рванулся вперед. Цепь звякнула и упала на траву, а сам он с размаху перевернулся через голову, вскочил на ноги и тут только понял, что свободен. Правда, шею по-прежнему стягивал железный обруч, но он больше не держал на месте. Щелкнув зубами, Куцый перемахнул через изгородь...

Томый проснулся от странного шума на селе. Собаки рвались с привязей и заливисто лаяли. Мальчик прислушался. Куцый не гремел цепью, не рвался. Томый выскользнул из-под шубы и вышел на улицу. У столба лежала порванная цепь.

«Неужели кто увел? — подумал он, но тут же прогнал эту мысль.— Его не уведешь — разорвет, не подпустит»,— Томый подошел к столбу и поднял цепь. «Порвал. Сам порвал...» — подумал он, и сердце мальчика сжалось от горя.

— Куцый! — позвал он тихо, не веря еще, что тот ушел.— Куцый! Куцый! Иди сюда, это я, Томый...

Мальчик заглянул под крыльцо, под навес, но Куцего не было.

— Куцый! Куцый! — закричал он что есть силы. — Куцый!

Слезы душили его. Он навалился на ограду и смотрел затуманенными глазами в долину, на высокую гору за рекой, таинственную и пасмурную, и вдруг услышал далекий, могучий и торжествующий вой. Томый замер.

— До свидания, Куцый! — прошептал он, когда вой замер. — Погуляй на воле. А как будет холодно, приходи ко мне.

Ждал его Томый каждый вечер. Ночами выходил во двор и подолгу прислушивался к таинственному шороху в лесу, к переливам холодно блестевшей реки. Нет Куцего! Позабыл друга...

Однажды мальчугану показалось, что кто-то следит за ним. Он огляделся по сторонам и увидел Куцего на огороде. Волк смотрел на Томья огненными глазами и не уходил. Томый вскрикнул от радости и бросился к нему, но Куцый отпрыгнул в сторону и снова сел.

— Куцый! Это я, Томый! Иди сюда! — звал мальчик. Но Куцый не подходил. Короткими прыжками он уводил мальчика все дальше и дальше от села.

Вдруг на дороге загредел колокольчик. Куцый взъерошился, поднял голову, коротко взвыл и бросился к реке широкими, быстрыми скачками. Лошади испуганно рванулись в сторону. Загремела телега по кочкам, послышались голоса.

— Тпрру! Дьявол, тпрру! Растерзают, держи-и!

С телеги соскочил человек в серой шинели, потеряв равновесие, он упал на четвереньки и крикнул:

— Пристяжку к ограде держи! Эй!

Что-то знакомое послышалось Томью в его голосе. Мальчик скользнул в черемушник и, стараясь быть незамеченным, пошел к дому. Человек в шинели перелез почему-то через городьбу и пошел тоже огородом. Видно было, что дорога знакома ему. Томый спустился в канаву и пропустил его вперед. Военный чуть не бегом пересек ограду и бросился в избу. И тут только Томый узнал Синюша.

Задыхаясь от радости, кинулся он вслед за братом. В избе было уже темно. Томый с трудом разглядел фигуру брата. Хотел броситься к нему, но вовремя сдержался. «Не женщина ведь я», — подумал он, степенно шагнув с порога. Сухо сказал:

— Здравствуй, Синюш. Это я. Не узнаешь? Ружье твое в порядке.

— Здравствуй, Томый, — обрадованно сказал Синюш. — Да ты совсем большой стал!

Томый довольно улыбнулся.

— Давай пока не будем будить отца и мать. Поговорим, как мужчины.

Теперь улыбнулся Синюш. Зажгли лампу, повесили ее на гвоздик, вбитый в косяк. Потом Синюш снял шинель и, одергивая гимнастерку, подошел к Томью, стройный, возмужавший. Звенели медали на груди, они сияли перед глазами Томья осле-

пительно и гордо. Хотел что-то сказать Томый серьезно, как подобает мужчине, но не вытерпел, обнял Синюша и щекой прижался к медалям.

В ограде всхрипывали и тяжело дышали разгоряченные кони. Звякнув, умолк колокольчик.

\* \* \*

С утра в доме были гости. Одни сменяли других. Отец, порядочно захмелевший, приглашал их к столу:

— Садитесь, садитесь, смотрите на сына. Поговорите. Обрадовал старика. Герой!

Томый щелкал пальцами по новому блестящему ремню, который очень красиво обтягивал его, и важно ходил по избе. Кюндючи тоже пришла, прячась за подол матери. Только теперь она не смеялась и даже не намекнула о неприятном бегстве Куцего.

\* \* \*

Холодные пепельно-белые тучи ползли из-за гор. Гудели вершины лохматых пихт. Кружились, трепетали в воздухе первые снежные пушинки. Стали белыми и дорога, и долина, и кусты высохшей полыни, сиротливо торчащие на огородах.

Все глуше и тише звенела река по ночам, покрываясь блестящей голубой кольчужой.

Ребятишки бежали из школы, смеясь и радуясь первому снегу. Собаки выбегали им навстречу и лизали побелевшую землю.

Целую неделю шумела метель над урочищем. Могучие ветры боролись вверху и, сталкиваясь, перемалывали несметные снежные вороха.

А на восьмой день, к вечеру, тучи постепенно рассеялись, и на чистом морозном небосклоне вспыхнули огненные языки заката.

Синюш вышел из дома и, прикрывая ладонью глаза от ослепительного блеска, восхищенно сказал:

— Зима.

Он вытащил из сеней лыжи и просмотрел ремни.

— Ты не разучился ходить, Синюш? — спросил Томый.

— Враги хотели бы, чтобы у русских меньше было таких лыжников, как Синюш, — улыбаясь, ответил брат.

— Это хорошо, — облегченно похвалил Томый.

— Да, это хорошо — ходить против врага, как против вет-

ра,— сказал Синюш.—И ты должен уметь, Томый, управлять лыжами.

Томый улыбается, он уже умеет управлять лыжами. Конечно, так стремительно скользить по насту, как Синюш, он еще не научился. Но он непременно научится. Кто из мальчишек первым бесстрашно кидается вниз с самой вершины горы? Он, Томый. Кто, не задумываясь, бросает свои лыжи на самый большой трамплин у реки? Он, Томый. Придет день, и Томый будет наступать на пятки Синюшу. Он сделает себе такие же быстроходные лыжи, он убьет самого резвого дикого козла и прибьет кусок его шкуры к лыжам. А пока Томый ходит в школу. Многое еще нужно знать Томью, чтобы стать настоящим мужчиной, как Синюш. И Томый учится.

Он смотрит на огромные лыжни, запрокинутые в небо под солнечными лучами, и кажется ему, что это его дорога, по такой солнечной лыжне пойдет к жизни Томый.

— Хочешь, завтра сходим на капканы? — сказал Синюш. Конечно, Томья не надо уговаривать, пусть только разбудят его.

\* \* \*

Вечером при огне пришли к ним мужчины. Они долго пыхтели вонючими трубками и перебрасывались редкими, ничего не значащими фразами. Мужчины никогда не говорят сразу о главном.

Лежа под отцовским тулупом, Томый боролся с дремотой, слушал беседу. Наконец, выбив пепел из трубки и снова набив ее табаком, один из гостей сказал:

— Большое счастье в твоей семье, Анчибай, — сын твой вернулся.

Томый знает этого человека. Это председатель колхоза. Отец похлопал Синюша по плечу и, польщенный, воскликнул:

— Обрадовал. Орел!

Мужчины кивнули головами:

— Орел!.. И то дело, с которым пришли мы, только орлу и посильно.

Отец с братом насторожились. Насторожился и Томый.

— Говорите.

— Тебя не было, Анчибай,— снова заговорил председатель,— а мы тут большое дело решили. План большой наметили. Хотим, как все, по-человечески. Свет чтобы у нас был. Электрический свет.

У Томый пропал сон. Он видел, как дрогнула трубка в руке отца, как он вместо уголька ткнул в нее пальцем, а председатель продолжал:

— Ну вот и решили мы, чтобы до нового года пакет с решением в райкоме был... Пусть утвердят его и к весне техников вышлют. Давно бы отправить надо — бураны мешали. Теперь времени в обрез. Пока район, потом область... Вот и нужен человек, чтобы эти 200 километров побыстрее прошел. Где такого надежного парня найдешь, как Синюш?..

Томый с горячо бьющимся сердцем смотрел в лицо говорившего. «Свет, электрический свет в урочище! Это когда надо раздуть уголек, искать сухую лучинку, чтобы зажечь лампу. Кругом будет светло, как днем... Ах, как бы не опоздали они до нового года! Интересно, знают ли ребята? Слыхала ли Кюндючи? Почему он не научился ходить, как ветер? Тогда бы, может быть, он пошел хотя бы вместе с Синюшем...»

Томый смежил глаза и представил себе горные перевалы, снежные завьюженные долины, темные глубокие балки. Человек стремительно идет вперед. Он идет с важным пакетом, который полетит дальше, до самой области. За спиной в кожаной сумке лежит этот пакет. Падает белыми шапками снег с высокого кедра. Резвая белка смотрит из дупла. Блестит свежий наст, будто мелкие бусы, горят крупинки снега. Человек спускает впереди себя снежный комочек. Бежит комочек, будто горный ручеек, и трепетной цепочкой ложится за ним следок. По этому следу человек видит, где выемка, где бугорок. Без него все кажется ровным, лежит белая сверкающая скатерть. Человек смотрит на комочек, наклоняется вперед и летит с горы. Глаза его и щеки горят. Он спешит, спешит...

— Нарочный, — откуда-то издали слышит глухие слова Томый, — нарочный должен быть сильным мужчиной. Быстроногим, как олень, выносливым, как yak... Кто мерил эти козьи тропы? Может 200, может больше...

Кто-то кашляет и уверенно говорит:

— Синюш — этот человек. Мы так и решили.

— Да, мы так и решили, — подтвердили мужики. — Тебе, Синюш, эта почетная задача.

— Что ж, я согласен, — говорит Синюш.

— Большой документ понесешь, Синюш, важный.

— Я знаю, — отвечает Синюш, — меня учить не надо.

Постепенно голоса затихают. Томый погружается в сон.

День выдался солнечный, теплый. Все урочище вышло провожать Синюша. Он подвязал лыжи. Томый просмотрел еще раз ремни на его ногах.

— Смотри,— сказал Томый,— не порви. Я могу тебе в запас от своих отвязать.

— Есть у меня,— говорит Синюш, и голос его взволнован.— Такое ведь большое дело. Путь длинный и опасный.

— Ну, смотри,— говорит Томый,— тебе лучше знать.

Председатель осмотрел последний раз сумку отважного лыжника, где запрятан важный документ.

— Хорошо прилажено.

— В добрый путь, наш посланник. Пусть несут тебя быстрее лыжи к назначенному месту,— сказали старики и женщины.

Синюш поклонился всем и, оттолкнувшись, рванулся к реке. Прямая лыжня легла за ним. Быстрее и быстрее летит он вперед. Вот и берег. Синюш пригнулся и вместе с лыжами оторвался от земли, повис на мгновение в воздухе. Едва его лыжи коснулись наста, как он выпрямился и скользнул по льду. Вдруг снег вздыбился впереди его. Мелькнула выброшенная вперед лыжа, и Синюш, запорошенный снегом, упал на лед. Народ ахнул, зашумел взволнованно и кинулся вниз.

— Стойте! Куда вы! — раздался звонкий голос. Это кричал Томый. Он встал на свои лыжи, готовый в путь.

— Назад. Идите назад. Я сменю Синюша.

Люди были поражены, а Томый, сдвинув брови, глянул еще раз на ремни, надел рукавицы и кинулся вперед по братовой лыжне. Народ расступился перед ним, и он пронесся, гордый и дерзкий, как молодой олень. Мелькнула перед ним сурковая шапка Кюндючи. Глаза ее горели восхищением. От этого взгляда почему-то грудь Томыя наполнилась еще большей силой, а ноги стали еще упруже, еще устойчивей.

Вихрем промчался Томый по склону горы, слетел с трамплина и, огибая открытый лед, остановился возле лежавшего брата. Синюш с радостью посмотрел на него, растирая вывихнутую ногу.

— Выручай, Томый,— попросил он.— Не опозорь. Разодрало меня на льду, как барана.

— Не беспокойся, Синюш,— сказал Томый, приторачивая сумку за свои плечи.— Ты не виноват. До свидания.

И пошел Томый легко и быстро в далекий и опасный путь.

Уже несколько часов идет юный лыжник по глухим горным

перевалам, по дремучим лесам, а до района еще далеко. Не видно никого и не слышно. Пар валит от Томья, как от котла. Выбившиеся из-под шапки волосы застыли на лбу. Ресницы обледенели, стали тяжелыми. А он все идет. Нельзя останавливаться. Важный срочный документ за его плечами. Идет Томый. И почему-то кажется, что сквозь порошу, сверкающую на солнце золотыми блестками, смотрят на него чуть удивленные глаза Кюндючи.

Уже длиннее становятся тени от гор. Уже потухли снежные огоньки, а конца пути не видно. Кажется Томью, что близко должна быть цель. Вот стоит пересечь эту долину, подняться на гору, и он увидит необыкновенной красоты город. В городе ждут его с пакетом. И вот придет он, Томый, совсем еще мальчишка. Он придет, снимет со спины кожаную сумку и скажет:

— Кажется, я чуть не опоздал? Пакет нужно срочно передать в область. Здесь план новой жизни.

Он бы, может, и сам отнес его, но ему завтра нужно вернуться в школу.

Идет Томый, и горит голова от ребяческих мыслей. И не заметил он, как наступили сумерки, как загорелись холодные, яркие звезды.

Вдруг какие-то тени метнулись из балки.

— Волки! — испуганно забилося сердце.

Томый на ходу вытащил нож. Волки обступили со всех сторон. Они идут по его лыжне. Зеленые огоньки волчьих глаз загорелись и справа и слева. Томый слышит горячее звериное дыхание и сжимает сильнее костяную ручку охотничьего ножа. Он знает: стоит ему остановиться, стоит уменьшить шаг, как звери бросятся на него и разорвут в клочки. Они становятся все нахальнее все смелее. Вот один пересек ему дорогу, а задний наступил на лыжи. Он накрепко последние силы, чтобы не отступить, не дрогнуть, не поддаться страху. Видят звери, что не просто им взять Томья, и тогда передний ложится на дорогу и, урча, как кошка, кладет свою острую морду на лапы, бьет хвостом. Томый идет прямо на него. Извиваясь, волк ползет от Томья. Еще минута, еще мгновение, и он налетит прямо на хищника и распорет ему живот. Волк блеснул оскалом клыков. Загорелись глаза его синеватым жадным пламенем. Но справа от Томья раздалось вдруг предостерегающее грозное рычание. Через его лыжи перелетела громадная распластанная тень. Взметнулась снежная метель. Рыча и свирепо щелкая челюстями, свились клубком, откатились с дороги в смертельной схватке разъяренные звери. Пораженный Томый не успел сообразить

в чем дело, как один из волков был мертв. Из разорванной глотки волка со свистом и храпом текла кровь. Победитель встал ему на голову могучими лапами и издал торжествующий победный вой. Томый еле-еле передвигал онемевшие ноги. Поднялась из-за гор луна и осветила долину. Томый взглянул на своего неожиданного спасителя и невольно остановился. В холодном лунном луче вспыхнуло металлическое ожерелье на шее могучего волка.

— Куцый,— прошептал мальчик, не веря своим глазам. Волк посмотрел на него и, как показалось Томью, глаза его сверкнули приветливо и лукаво.

— Куцый! Куцый! — крикнул Томый и кинулся к нему. Но сильный удар свалил его с ног. Томый забыл осторожность, и волк, подкрадывавшийся сзади, бросился на него. У самого лица его щелкнули страшные челюсти. Томый взмахнул ножом и ударил им в живот волка. Тот взвыл от смертельной раны и рухнул замертво на Томья. Задыхаясь от тяжести мертвого тела, Томый почувствовал, как новый волк ухватил его полусубок и разорвал надвое.

Над самым ухом яростно зарычал еще один. Томый, втоптаный в снег, отчаянно размахивал ножом над головой. Вот рука его коснулась лохматой шкуры, он вонзил нож по самую рукоятку в хрустнувшее тело врага. Волк рванулся вперед, но, истекая кровью, тихо, по-собачьи взвизгнул. Наступила тишина. Томый поднял голову. Рядом с ним лежал с вырванным горлом худой и, наверное, старый волк. В зубах его торчали клочья полусубка, а поодаль, вздрагивая от страшной раны, нанесенной рукой Томья, умирал Куцый. Тоской и упреком горели глаза смертельно раненного друга. Печально и холодно сверкал ошейник. Вскочил Томый, кинулся к другу. В горле защемило от горя. Закричал он, схватился за голову и... открыл глаза... Перед ним стоял улыбающийся Синюш.

— Ты что-то кричал, Томый, махал руками,— сказал он.— Наверно, снилось что-то страшное. Вставай. Пора.

Томый отбросил тяжелую шубу и долго смотрел на брата, взволнованно и тяжело дыша.

— Вставай. Уже рассвет,— сказал Синюш.

Вскочив на ноги, обрадованный Томый засмеялся.

— Значит, жив Куцый? Зря это я?

Синюш удивленно посмотрел на него.

— Я тебе все расскажу. А может, мы даже и встретим его,— сказал Томый, быстро одеваясь.

В окно пробивался рассвет.

перевалам, по дремучим лесам, а до района еще далеко. Не видно никого и не слышно. Пар валит от Томья, как от котла. Выбившиеся из-под шапки волосы застыли на лбу. Ресницы обледенели, стали тяжелыми. А он все идет. Нельзя останавливаться. Важный срочный документ за его плечами. Идет Томый. И почему-то кажется, что сквозь порошу, сверкающую на солнце золотыми блестками, смотрят на него чуть удивленные глаза Кюндючи.

Уже длиннее становятся тени от гор. Уже потухли снежные огоньки, а конца пути не видно. Кажется Томью, что близко должна быть цель. Вот стоит пересечь эту долину, подняться на гору, и он увидит необыкновенной красоты город. В городе ждут его с пакетом. И вот придет он, Томый, совсем еще мальчишка. Он придет, снимет со спины кожаную сумку и скажет:

— Кажется, я чуть не опоздал? Пакет нужно срочно передать в область. Здесь план новой жизни.

Он бы, может, и сам отнес его, но ему завтра нужно вернуться в школу.

Идет Томый, и горит голова от ребяческих мыслей. И не заметил он, как наступили сумерки, как загорелись холодные, яркие звезды.

Вдруг какие-то тени метнулись из балки.

— Волки! — испуганно забилося сердце.

Томый на ходу вытащил нож. Волки обступили со всех сторон. Они идут по его лыжне. Зеленые огоньки волчьих глаз загорелись и справа и слева. Томый слышит горячее звериное дыхание и сжимает сильнее костяную ручку охотничьего ножа. Он знает: стоит ему остановиться, стоит уменьшить шаг, как звери бросятся на него и разорвут в клочки. Они становятся все нахальнее все смелее. Вот один пересек ему дорогу, а задний наступил на лыжи. Он напряг последние силы, чтобы не отступить, не дрогнуть, не поддаться страху. Видят звери, что не просто им взять Томья, и тогда передний ложится на дорогу и, урча, как кошка, кладет свою острую морду на лапы, бьет хвостом. Томый идет прямо на него. Извиваясь, волк ползет от Томья. Еще минута, еще мгновение, и он налетит прямо на хищника и распорот ему живот. Волк блеснул оскалом клыков. Загорелись глаза его синеватым жадным пламенем. Но справа от Томья раздалось вдруг предостерегающее грозное рычание. Через его лыжи перелетела громадная распластанная тень. Взметнулась снежная метель. Рыча и свирепо щелкая челюстями, свились клубком, откатились с дороги в смертельной схватке разъяренные звери. Пораженный Томый не успел сообразить

в чем дело, как один из волков был мертв. Из разорванной глотки волка со свистом и храпом текла кровь. Победитель встал ему на голову могучими лапами и издал торжествующий победный вой. Томый еле-еле передвигал онемевшие ноги. Поднялась из-за гор луна и осветила долину. Томый взглянул на своего неожиданного спасителя и невольно остановился. В холодном лунном луче вспыхнуло металлическое ожерелье на шее могучего волка.

— Куцый,— прошептал мальчик, не веря своим глазам. Волк посмотрел на него и, как показалось Томью, глаза его сверкнули приветливо и лукаво.

— Куцый! Куцый! — крикнул Томый и кинулся к нему. Но сильный удар свалил его с ног. Томый забыл осторожность, и волк, подкрадывавшийся сзади, бросился на него. У самого лица его щелкнули страшные челюсти. Томый взмахнул ножом и ударил им в живот волка. Тот взвыл от смертельной раны и рухнул замертво на Томья. Задыхаясь от тяжести мертвого тела, Томый почувствовал, как новый волк ухватил его полущубок и разорвал надвое.

Над самым ухом яростно зарычал еще один. Томый, втоптаный в снег, отчаянно размахивал ножом над головой. Вот рука его коснулась лохматой шкуры, он вонзил нож по самую рукоятку в хрустнувшее тело врага. Волк рванулся вперед, но, истекая кровью, тихо, по-собачьи взвизгнул. Наступила тишина. Томый поднял голову. Рядом с ним лежал с вырванным горлом худой и, наверно, старый волк. В зубах его торчали клочья полущубка, а поодаль, вздрагивая от страшной раны, нанесенной рукой Томья, умирал Куцый. Тоской и упреком горели глаза смертельно раненного друга. Печально и холодно сверкал ошейник. Вскочил Томый, кинулся к другу. В горле защемило от горя. Закричал он, схватился за голову и... открыл глаза... Перед ним стоял улыбающийся Синюш.

— Ты что-то кричал, Томый, махал руками,— сказал он.— Наверно, снилось что-то страшное. Вставай. Пора.

Томый отбросил тяжелую шубу и долго смотрел на брата, взволнованно и тяжело дыша.

— Вставай. Уже рассвет,— сказал Синюш.

Вскочив на ноги, обрадованный Томый засмеялся.

— Значит, жив Куцый? Зря это я?

Синюш удивленно посмотрел на него.

— Я тебе все расскажу. А может, мы даже и встретим его,— сказал Томый, быстро одеваясь.

В окно пробивался рассвет.



## О ЧЕМ ПЕЛ СКАЗИТЕЛЬ...

**С**амым страшным казалось не то, что Резвый может, например, споткнуться на неровной дороге и Яит свернет себе шею. Нет, это не страшно. Смелые сердцем не думают об опасности. Дело в том, что вот уже полпути прошел к финишу Резвый, а рыжий, лоснящийся круп Горностая ни на метр не приблизился к Яиту. Горностай шел ровным, спокойным наметом, и бока его даже не блестели от пота.

Яит видел его красивую тонкую шею из-за спины Таныбаса и нервно вздрагивающие чуткие уши. Правда, Таныбас уже не раз бил его плетью по поджарым бокам, а на повороте с тракта

Горноста́й вдруг слегка споткнулся и чуть не сбросил седока, но расстояние между скакунами по-прежнему не уменьшалось.

Яит прилег на луку седла и запустил дрожащую руку под гриву коня.

— Прибавь!.. Прибавь!.. Ребята ждут, болеют за нас.. Давай!..

Резвый повел ушами и попросил повод. Яит обрадовался.

— Пошел!.. Пошел!..

Вдруг Резвый тряхнул удилами и сбавил ход. Яит забеспокоился.

— Капризничать? — он взмахнул плетью.

В это время наездники вылетели на небольшую высоту. Перед ними засверкала снежная долина. Показалось село с прямыми столбами дыма. Ровная, чуть побуревшая дорога стремительно пошла вниз. От Горноста́я повалил пар. Резвый сменил ногу и поэтому немного приотстал, но теперь легко стал нагонять его справа. Грива взметнулась вверх и ударила Яита по лицу. Резвый вытянулся. «А я не догадался, думал, капризничает», — обрадовался Яит.

— Вперед, вперед! — крикнул он, заметив, что лоснящийся зад Горноста́я стал приближаться. Зло кусая удила, тот тяжело всхрапывал и косил сердитыми зрачками.

— Вперед! Вперед! — колени Яита судорожно сжимали коня. Вот наездники поравнялись. Минутку — две кони шли рядом, бок о бок. Таныбас нервничал и со злостью кричал на Горноста́я. Обессиленный жеребец, роняя клочья пены с удила, тяжело и со свистом дышал. На одно мгновение увидел Яит дрожащие розовые ноздри Горноста́я и вдруг почувствовал, что повис в воздухе. Хрустящим свистом взвизгнула грива. Седло уходило из-под него. Едва хватило сил удержаться от крепкого порыва ветра, рванувшегося с земли.

Резвый выходил на середину дороги. Теперь уже впереди Яита никого не было. Резвый летел, почти не касаясь земли. Вот и поселок. Розовые домики совхоза вытянулись и справа и слева. Копыта отчетливо застучали по обледеневшему мосту. Вот и площадь. Дрожит протянутая кумачовая лента. Радостные крики услышал Яит. Вдруг какой-то старик, размахивая рукавами козьей дохи, бросился прямо под ноги мчавшемуся скакуну. Резвый метнулся в сторону, разрывая грудью ленту, и Яит, вылетев из седла, повис на его шее.

Старого Эртечи подняли с земли. Он тряс реденькой бородой и слабым дрожащим голосом твердил:

— Это он... Я узнал Дьюгюрюк ата!..

Яит, окруженный ребятами, сияющий и возбужденный, направился к старику.

— Разве это дело, старик, коню под ноги бросаться?

Эртечи вздрогнул и, протянув руку, сам пошел ему навстречу. Он шел, высоко держа голову, оставив взгляд куда-то вверх толпы.

— Кто ты, наездник, на лихом коне! — спросил он прерывающимся голосом. — Кто ты, что имеешь такого скакуна? Откуда он? Как звать его? Пойдем к нему. Пойдем, веди меня... Я хочу погладить его колени. Потрепать его челку... Веди меня к коню, юноша...

Яит переглянулся с парнями и, взяв старика за руку, направился в конюшню. Резвый еще не остыл. Он бил копытами по деревянному полу, не желая стоять на выстойке.

Старик смело подошел, пощупал голову коня, взялся за челку. Дрожащими пальцами стал перебирать спутанную прядь.

— Вот она косичка, она всегда здесь?

— Всегда, — сказал Яит. — Даже, говорят, когда был жеребенком...

Эртечи молча кивнул головой. Потом нагнулся и ощупал пястье. Жеребец обнюхал его шубу, фыркнул и стал перебирать ногами.

— Благородная кость... Тонконогий... — взволнованно шептал старик. — Скажи, не белоногий ли твой конь?

— Да, белоногий, — удивленно подтвердил Яит.

— Копыто прямое?

— Да, да...

Старик отшатнулся от жеребца, поднял руку и взволнованно сказал:

— Я узнал его по походке. Это он... Это потомок бесподобного Дьюгюрюк ата. — Старик поднял голову. — Лучшего коня на всем Алтае. И хозяином его был Эртечи.

Старик вытянул руку и вышел из конюшни. Пораженные таинственностью его слов, ребята несколько мгновений молчали. Первой отозвалась Янар:

— Расспросим у старика об этой тайне... Пригласим к себе на костер...

— Это, наверное, горькое что-то, если ему так тяжело,— сказал печально Яит.

— Но ведь интересно!.. Это касается нашего Резвого! — поддержали ребята девочку. — Надо узнать эту тайну!..

В конюшню вошло несколько мужчин. Впереди шел директор конезавода.

— Вот они куда спрятались! — воскликнул он, увидев ребят. — А мы ищем, куда делся победитель? Поздравляю, Яит! — директор протянул руку. — Спасибо вам всем, ребята, за хорошее шефство. Каков молодец, а? — хлопнул он по крупу Резвого. — Обставил Горностая! Как думаешь, Яит, не пора ли ему потягаться с сибирскими знаменитыми скакунами на краевом ипподроме, а?

Глаза Яита блеснули радостью:

— Он, Федор Петрович, хоть в Москву...

— Ну, в Москву не в Москву, а на краевые, пожалуй, рискнем.

— Он меня слушается, — добавил Яит, боясь, как бы директор не взял другого наездника.

Федор Петрович улыбнулся и пощипал черный опущенный ус.

— Ты поедешь. Ты. А сейчас пойдём. Премия получишь.

Они вышли из конюшни и направились к клубу.

У дверей клуба, на широком крыльце, столкнулись они с Таныбасом. На руке у него болталась короткая плеть. Он был угрюм.

— Пойдем, Таныбас, — сказал директор. — И тебе присуждается премия.

Таныбас удивленно посмотрел на него.

— Пойдем, пойдём... Не твоя вина, что у Горностая не хватило выдержки. А Резвого и ветер не догонит. Ты ухаживал за обоими, старался... Горностая неплохой аргамак.

Яит просиял. Ему было жаль Таныбаса.

— Идем, — сказал он Таныбасу. — Ведь мы не байские наездники. Ведь это наши скакуны.

Таныбаса окружили ребята и втокнули в дверь. Вся пионерская дружина под шумные рукоплескания и восторженные крики собравшихся прошла вперед.

На ярко освещенной сцене стояли мягкие стулья и большой стол, накрытый красным сукном. Федор Петрович открыл собрание и, когда выбирали президиум, Таныбас вдруг пронзительно крикнул:

— Яита!

Все захлопали в ладоши:

— Яита!

Директор, улыбаясь, записал на бумажку имя мальчика.

Смутно помнит Яит, как подошел он к красному столу президиума и сел. Страшно смущаясь, он посмотрел в зал. Лица людей сливались, рябило в глазах от нарядов. Ярче всех была косынка Янар. И куда ни отвернется Яит, всюду горят черные, как уголь, ее глаза. Никак не мог он сосредоточиться и послушать, о чем говорил Федор Петрович. Казалось, что все смотрят только на него, Яита. Вдруг он услышал тихий старческий голос из-за кулис.

Старик возражал кому-то:

— Не о том я буду петь сегодня... Нет. Эртечи расскажет про коня, какого свет не видел...

— Зачем же вы так переживали на скачке! — упрекнул девичий голос.

— Сердце мое поет о нем. Я не пойду против сердца...

Яит вспомнил слепого топшуриста, его дрожащие пальцы, гладившие ноги скакуна, взволнованный шепот. Захотелось скорее узнать тайну о лучшем на Алтае скакуне. Тем временем Федор Петрович закончил доклад, развязал большой узел, положенный у стола, и объявил фамилии премируемых за хорошую работу.

— Иди. Что же ты сидишь? — локтем ткнул Яита сосед.

Яит вскочил и растерянно посмотрел в зал. Ему шумно аплодировали и кричали. Янар обожгла его черными искрами глаз. Федор Петрович подал ему большой пакет, перевязанный голубой нитью. Яит прижал подарок к груди, не зная, что делать.

— Скажи, Яит... Скажи пару слов. Все говорят...

Яит кашлянул и хрипло пробормотал что-то невнятное. Сам и то не понял, что сказал.

— Громче! Смелее, Яит!..

Тогда Яит неожиданно для себя выкрикнул в зал:

— Вы ничего не знаете про Дьюгюрюк ата? Нет? Пусть расскажет Эртечи!.. Вот я кончил... А как я буду работать? Мы возьмем шефство над Горностаем и поможем Таныбасу выходить его таким же, как Резвый. Вот.

Его речь заинтересовала людей. С нетерпением ждали появления знаменитого топшуриста.

Кончилось торжественное вручение подарков. Занавес задернули, потом открыли, и все увидели на сцене старого скази-

теля. Он тронул струны топшура, и тот запел, зазвенел, как живой человеческий голос. Под его песню заговорил Эртечи:

У памяти цепкие руки,  
У времени чуткие уши,  
В сердце певца  
Огонь не потушишь...  
Сердце топшура,  
Как солнце, юно,  
Голос топшура вечно молод...

Так начал Эртечи свою песню.

Бежит Катунь-река  
По ущельям гор,  
По долинам в пене плеса  
Несется гордая дочь Алтая.  
В долинах травы сочные.  
Пастухом безродным  
Пас байский скот  
Эртечи батрак.  
Молод был Эртечи,  
И кто скажет, что он  
Был нехорош собою?

Легкая улыбка скользнула в уголках его губ, топшур зазвенел молодо и, как показалось Яиту, даже весело. Но продолжалось это недолго. Вот Эртечи вздохнул, дрогнули серые брови, сдвинулись к переносице, будто хотел Эртечи отогнать прочь образ молодости, мелькнувший светом в его воспоминании, будто неуместен был он в печальном рассказе. Запел Эртечи, и встали перед Яитом мрачные, необжитые долины, редкие айлы пастухов у горных источников... Дым костра... Табуны байских диких коней. Вот Эртечи в оборванной шубе, молодой и сильный, объезжает хозяйский табун... В долину спустился купеческий караван, навьюченный монгольской шерстью... Долго смотрит ему вслед Эртечи. Что за страна лежит там, за горами, куда ушел караван? А к вечеру заметил длинноногого жеребенка, который пристал к табуну. Он бил звенящую гальку тонкой ногой и жалобно звал мать. Эртечи ухитрился, поймал его. Долго не мог приручить дикого непокорного жеребенка Эртечи. Потом смирился тот. Стал есть из его рук вкусную траву, покорно шел на поводу к реке. Хорош был жеребенок, так хорош, что когда он подходил к Катунь и касался дрожащими губами зеленой воды, река, казалось, любуясь им, делалась плавной, тихой.

Не мог нарадоваться Эртечи на него. Вырос незаметно же-

ребенок, и не было резвей его в несметных табунах бая. И назвал его Эртечи Дьюгюрюк ата. Пело от радости сердце батрака. Экое счастье пришло ему само... Дьюгюрюк ата был чуток, как горный марал, и быстр, как ветер. Но беда уже подкарауливала бедного батрака. Однажды, считая свои табуны, бай увидел Дьюгюрюк ата.

— Ого! — воскликнул обрадованно бай, — какого ты мне жеребенка вырастил!

И жадно блеснул глазами.

— Это мой жеребег, — объяснил ему Эртечи, — из каравана отдали мне...

— Зачем батраку собственный конь? — ухмыльнулся бай. — Вон их сколько — любого взнуздывай. Потом подсчитаем, сколько будешь должен. А этого к моей коновязи приучи...

— Нет, — воскликнул Эртечи и вскочил на своего коня. — Много у тебя, бай, коней, но ни один из них не стоит и хвоста моего Дьюгюрюк ата!..

Грозно посмотрел Эртечи на бая, слова не сказал больше и вихрем скрылся в ущелье...

В небе много красивых звезд,  
В песне много хороших слов —  
Только мало счастливых дней  
У бездомного пастуха...

Звенел топшур. Перед замороженным взором Яита развевалась в песне горькая доля взбунтовавшегося батрака. Вот едет он на своем лихом скакуне по лесу, и ветви берез и елей служат кровом ему, бурные реки смывают пену и пыль с его коня, богатые травами долины дают ему вкусные травы...

Видит Яит, как однажды, под вечер, выехал из ущелья Эртечи. Перед ним — небольшое урочище на берегу реки. Вдруг слышит он песню:

Остановился Эртечи пораженный  
И с коня соскочил, как безумный...

И к речке бросился, потому что уж очень красив был голос у неизвестной певички:

Плыл по реке закат  
Букетами красных цветов,  
И пенились багряные брызги  
У ног незнакомой девушки...

— Кто ты? — спросил Эртечи. — Почему в словах твоей песни так много печали?

Вскочила она, как птица, испуганная шорохом зверя. Хотела

бежать. На берег взглянула, но заметила Эртечи, коня его тонконового, покрытого пылью, сдержалась, монисты в косе ладонью прикрыла на груди и тихо сказала:

— Я дочь бедного чабана... Не о байской же доле петь бедной девушке...

И слышит Яит ее печальный голос и видит ее улыбку и длинные ресницы, которые опустила она перед незнакомым всадником. Вот соскочил Эртечи на землю и к ней подошел.

В горах немало лихих наездников,— тихо сказал он,— молодых пастухов... Не тоскуешь ли по одному из них?..

— Нет, — еще тише ответила девушка. — Меня жадный Дертыш берет к себе в жены. Так отец хочет. Не моя воля...

— Кто он, этот Дертыш? — спросил Эртечи и ненавистью блеснули его глаза.

— Он богат... Берегись, подслушают разговор наш — убьет... У него много скота, много людей злых, закормленных им... Кони его, будто маралы, резвы. Все, кто состязается с ним в беге, оставляет коней своих. Он в заклад бегунов берет. Завтра дьярыш. Сто бегунов сойдутся с бегунами Дертыша. А сам он сказал отцу: «Проси бога, Мундучи, чтоб за хвостом моего коня гнались бегуны — верну тебе проигранного аргмака, а ты мне дочь отдашь»... И отец согласился — он больше жизни любит своего аргмака.

Так сказала девушка, соскочила с камня на берег и пустилась бегом к своему аилу.

На долину спускались сумерки. Долго сидел Эртечи у реки. Сердце его разрывалось от ненависти к жадному баю и жалости к девушке. Вот уже стали съезжаться наездники в урочище. Лихие скакуны рвались с привязей, вспыхнули костры, задымили по всей долине. К аилу Дертыша богатые бай с окрестных стоянок приехали. Никто не заметил, как тихо на утомленном жеребце своем проехал к урочищу и Эртечи. Хотелось ему посмотреть на бегунов Дертыша. Его поразил один аргмак. Был он высок и строен. Как снег, искрилась, сверкала его шерсть. Злыми зрачками метал он огонь, переминаясь с ноги на ногу. Возле него возился наездник в бархатных шароварах.

— А ну, убирай свою падаль! — крикнул он, брызнув слюною навстречу Эртечи.

— Можно подумать, что своим гордишься ты конем, байский холоп, — сказал Эртечи и отъехал прочь.

— Эй, не задирай носа! Или палки запросила твоя спина?

Ничего не сказал Эртечи, хоть и обидны были эти слова. Потянул он за повод коня, тот рванулся и вынес его в долину.

Там он расседлал жеребца, а сам постелил шубенку, лег на нее и стал смотреть в небо... Одна за другой загорались звезды. Вскликала большая луна. «Где же твоя звезда, Эртечи?»

Звезды пылали над ним, и были они похожи на мерцающие камни, заброшенные с земли сказочным богатырем.

Потом задремал Эртечи и вдруг увидел: девушка нагнулась к нему. В глазах ее сверкали слезы. «Эртечи,— сказала она,— Эртечи, выручи меня, если ты свободный наездник, если в жилах у тебя не пересохнет кровь от одного взгляда злобного Дертыша...»

Вскочил Эртечи, оглядываясь вокруг, как безумный, но ничего не было видно. С гор в долину спускался туман. Блестела на траве роса, горели костры вдали, и слышался пьяный смех... Девушки не было.

Потупил голову Эртечи и побрел по долине, сбивая с трав серебряные брызги. Долго ходил Эртечи, пока не устал. Тогда он бросился на землю и тотчас же крепко заснул.

Разбудил его конь, тронув копытом. Открыл глаза Эртечи — яркое солнце пылало над полем. Вскочил в седло юноша и вихрем помчался к урочищу.

Сто наездников на горячих конях плясали, поджидая Дертыша. Вот он вышел из аила, окруженный гостями, и тяжело сел на белоногого скакуна. На изрытом оспой лице его надменно сияла улыбка.

— Эй ты! — увидев Эртечи, закричал он. — Ты бы к моему аилу ходил, наездник. Там в мусоре тряпки найдутся — узду разукрась своему тощему жеребцу!..

Сказал насмешливо, и гости угодливо засмеялись.

— Коня не тряпки красят — это каждому алтайцу известно, а ноги его, — ответил с достоинством Эртечи и стал за наездниками самым последним.

Начался заезд. Нетерпеливо грыз удила конь Эртечи, бросаясь то вправо, то влево на подхлывших близко аргамаков, рвал повод из рук своего хозяина. Тот насмешливо глядел вокруг, уверенный заранее в успехе.

С гиком и свистом рванулись наездники. Закружилась, завертелась перед глазами долина, падая им в ноги. Громкий топот и храп раздался далеко вокруг. Дертыш легко вышел вперед. Аргамак его далеко позади оставил бегунов, вытянувшись в бешеном беге. Красиво, впереди всех, будто выпущенная из лука стрела, летел белоснежный аргамак Дертыша. Напрасно били плетвми по взмокшим бокам своих жеребцов наездники! Вот уже полпути прошли, а лисья шапка Дертыша все еще далеко

впереди насмешливо и зло поддразнивает всех, трепеща на ветру кистью.

Рванулся было Дьюгюрюк ата вперед, но Эртечи придержал его. Но вот рука его ласково коснулась гривы — и жеребец в несколько прыжков оказался под боком Дертыша. Тот покосился на него, и усмешка погасла в байских глазах. Он стегнул плетью своего коня, но Эртечи уже выдвинулся вперед.

Вдали тонкими струйками дыма мелькнуло урочище. Дьюгюрюк ата легко и спокойно шел ухо в ухо с аргамаком Дертыша.

— Это ты, собака! — услышал Эртечи хриплый голос бая. — Сдержи жеребца — отару овец возьмешь!..

Яит вздрогнул, судорожно вцепился в плечо соседа: «Неужели предаст Эртечи жеребца? Неужели на богатство польстится?..»

Привстал Эртечи в стремях и, гневно сверкнув глазами, плюнул в изрытую оспой рожу бая!

— На, получай!.. — перебрал повод в руках, свистнул и нагнулся всем корпусом к шее Дьюгюрюк ата...

Птицей рванулся тот. Мелькнул где-то сбоку вздыбленный аргамак Дертыша, и вдруг... тысячи солнц рассыпались в глазах Эртечи, болью опоясав голову...

Рассыпались и навсегда померкли...

Умолк старик. Страшно гудел топшур. Яит вскочил с места и жадно смотрел на умолкнувшего Эртечи, глаза его яростно сверкали. Вытянув вперед сжатые кулаки, он, казалось, готов был броситься на подлого врага. Но перед ним была сцена, а на ней сидел с топшуром в руках седой немощный старик...

С волнением слушал Яит прерывистый жаркий шепот старика о том, как шумно встретили его, как чьи-то ласковые руки перевязали его глаза, и тихий голос сказал юноше сквозь слезы:

— Прощай, Эртечи... Прощай! Нет для тебя больше солнца — злая плеть завистливого бая изувечила тебя навсегда...

А старик продолжал:

Много прошло дней.

Много лет прошло,

Седыми стали волосы Эртечи.

Много печальных песен

Узнал Эртечи...

Он пел их, пробираясь от ушеля к ушелю,

Пока не услышал другую.

Эту песню на восходе поют,

Это песня — весны пробужденье...

И снова окреп голос Эртечи. И зазвенел мощно, легко и свободно топшур:

Счастье пришло на Горный Алтай.  
Его принесла советская власть.  
Не стало в живых Дертыша.  
Хоть коня своего не видал Эртечи,  
Но вот сегодня он снова услышал  
Сладкую музыку бега его,  
Топот его копыт...  
Это славный потомок его.  
Я счастлив, что в мою страну,  
Свободную, как птица, могучую, как скала,  
Дошел мой конь в потомке...

Старик умолк. Но долго гудел топшур. И все сидели и слушали песню без слов. Звуки ее были гимном новой светлой и радостной жизни. Облегченно вздохнув, люди касались руками друг друга, смотрели на красочные стены клуба.

Нет старой жизни... Как хорошо, что кончилась она, проклятая, вместе с горем алтайца — будто говорили эти движения.

Яит вскочил и бросился на сцену. Ребята последовали за своим вожаком. Они окружили Эртечи. Решимостью горело лицо Яита. Он поднял руку, и вновь стало тихо в зале:

— Эртечи! — сказал Яит дрогнувшим голосом. — Эртечи! Спасибо тебе, что ты вырастил такого славного коня. Мы обещаем тебе, что такие кони у нас не переведутся. Нам нужно много, много таких коней... И я... и мы... — Яит оглядел ребят, встретился со взглядом Янар. Она чуть заметно одобрительно кивнула ему. — Мы принимаем тебя в свою дружину почетным шефом!

Зал наполнился рукоплесканиями.

— Так, Яит, так! — кивнул Эртечи и обнял Яита.



## АМЫР СПЕШИТ В ШКОЛУ

**А** это в горах короткое. Не успеешь как следует привыкнуть к нему, смотришь — уже и потянуло холодом с островерхих гольцов. А березки и лиственницы стоят совсем, совсем зеленые. Ни одного желтого листика, ни одной опавшей иголки, а все равно по утрам в одной рубашке уже не побежишь по урочищу — надевай стеганку. Да и вечерами тоже. Хоть и тепло у костра, даже, может быть, жарко, а подойдешь к ручью — тебя так и пронизывает холодный ветерок.

Кончилось лето. Пора в школу. До Каракола от стоянки не близко. Весь день проедешь.

Амыр уложил в сумку книги. Повесил ее на сучок у аила. Завтра отец даст верхового коня, и он поедет один через тайгу в Каракол. Не совсем-то хочется уезжать отсюда, привык за лето. Но и в школу тянет. Амыр оглядел стоянку. Как красиво здесь, в урочище Кара-Кая! Вокруг толпятся горы. А на их склонах — густой лес. Карабкаются лиственницы до самых вершин. И как только не срываются вниз! Вон тот кедр совсем ведь на самом краю камня, а держится, не падает. Когда налетит сильный ветер, он качается, машет ветвями, будто отбивается от него. Внизу, около неугомонного Каярлыка, широкая поляна. Сколько тут с отцом поставили стогов сена...

— Один, два, три... целых шесть,— шепчет Амыр и тяжело вздыхает. На скошенном лугу еще и сейчас видны скатки сена. Лежат, будто обрывки толстых веревок. Сейчас они совсем неподвижны, растрепались, разлохматились, а когда везешь копешку, они, конечно, оживают, скручиваются в тугие скатки. И коню становится легче. Получается, будто по скаткам идет копешка. От одной скатки к другой, так и катится сено до самого стога.

А вон под той старой лиственницей любил Амыр сидеть с Тайгылом и наблюдать за торбоками.\* Она стоит в стороне от других деревьев. Почему? Амыр не знает... Может, сто лет стоит она одна на виду у всех на елани.

— Тайгыл! — позвал Амыр и тихонько свистнул. Лохматая, небольшая собака подняла голову и, не вставая, ударила хвостом по земле. «Ну чего еще там надумал, Амыр? — казалось, говорил ее взгляд.— У костра так хорошо сейчас». Острые уши собаки чутко вздрагивали.

— Иди сюда, лентяй... Ишь, как разморило тебя у костра,— с насмешкой сказал Амыр и поманил Тайгыла рукой. Тот вскочил, вытянул заднюю ногу. Одну, другую и удовлетворенно зевнул. Где-то в лесу раздался конский топот. У Тайгыла сразу же пропала сонливость. Он подбежал к Амыру и, ткнувшись мордой в его ноги, залаял. Потом остановился и озабоченно посмотрел на мальчика: «Кто это едет, не знаешь?» — казалось, спрашивал его взгляд.

Вдруг собака с лаем рванулась вперед к лесной тропке. Но вскоре умолкла. На гнедом коне показался знакомый человек, дядюшка Параев. Его стоянка за горой, по соседству.

Амыр подбежал к старой лиственнице и остановился. «Ка-

\* Торбоки — годовалые бычки (алт.).

жется. и в этот раз не нашел торбоков», — подумал он, взгляды-ваясь в озабоченное, нахмуренное лицо дядюшки Парасева.

— Езень! — крикнул Амыр, когда тот поравнялся с деревом. Дядюшка Парасев кивнул головой и проехал к стоянке.

— Ну, как, Биит Макарыч? — долетел до Амыра голос отца. Сосед слез с коня и молча подошел к костру.

«Два торбока пропали, — думал Амыр... — Это не шутка. Теперь надо будет расплачиваться за них... торбоки, небось, не свои, а колхозные»... Вспомнилось, как еще месяца два назад Айдар, сынишка Парасева, ровесник Амыра, говорил: «Мне нынче отец настоящее новое пальто купит и лыжи на зиму...» Может, теперь и не купит. Нечего было прежде времени хвастать. Интересно, уехал Айдар в Каракол или тоже завтра собирается? Хорошо бы вдвоем-то ехать. Веселее. А впрочем, что хорошего? Начнет опять хвастаться — не уймешь за всю дорогу. Любит приврать Айдар.

— Уж лучше один... с Тайгылом, — шепчет Амыр и вздыхает. Собака трется об его ноги. Легонько хватает их зубами. Амыр потрепал ее за уши и вдруг сорвался с места и побежал к горам.

— Бежим, Тайгыл, бежим на скалу... попрощаемся! — кричит он. Тайгыл с визгом, вытянув шею, устремляется за ним.

Они пересекают елань и долго петляют по тропке, поднимаясь все выше и выше. Кустарник, деревья уходят куда-то вниз, и кажется Амыру, что он растет так, как богатырь в сказке. Вот и скала... Тяжело дыша, Амыр карабкается на нее и, достигнув вершины, подползает на животе к самому краю... Ух, как высоко! Какими небольшими отсюда кажутся деревья там, в долине... А Каярлык, тот, как ленточка... Даже шума не слышно... Совсем онемел... И горы вокруг тоже кажутся намного ниже, а до облаков рукой подать, вон с того гольца можно дотянуться.

— Хорошо у нас тут, на Кара-Кае, — говорит Амыр и, оглянувшись, гладит по спине своего верного друга. Тайгыл лизнул руку.

— Ничего ты не понимаешь, дружок. А помнишь, вон у той лиственницы барсука загнали с тобой в нору... Помнишь? То-то. Всю ночь ты просидел тогда у той норы, а когда барсук вылез, ты дал знать мне... За бурундуком гонялись... Тоже помнишь? Подвел он тебя здорово. Вскочил на колодину — и махнул через Каярлык. Ты за ним. И вдруг, смотрю, мой Тайгыл барахтается в воде... Вот тебе и бурундук. Обхитрил, брат, тебя в два счета. За ним глаз да глаз надо иметь, а ты думал просто... А белочек наших помнишь? Вон в том дупле жили! Одна совсем еще ма-

люсенькая упала на землю, а ты и рад был расправиться с ней... Бросился, как на медведя... Хорошо, что я успел раньше тебя. Разве таких маленьких можно обижать? Выросли те белочки, и мать их прямо по деревьям в кедрач увела. Может, на будущее лето снова вернутся в свой домик... Хорошо бы...

Амыр вздохнул, о чем-то задумался. Потом, снова обращаясь к Тайгылу, сказал:

— Жалко вот мне тебя, Тайгылка. Проводишь меня в интернат и вернешься. Я бы взял тебя на всю зиму... честное пионерское. Только где я тебя держать буду? Негде там, Тайгыл, вот в чем дело, — он снова ласково потрепал собаку и задумчиво добавил. — Вот какое дело, Тайгыл... а мне бы с тобой еще веселее было... Да, конечно... Только негде. И отцу ты будешь нужен здесь. Небось, до снегов будете пасти...

Амыр замолчал. Лицо его стало растроганным.

Наверху было еще светло, а там, над урочищем, казалось, кто-то невидимой рукой задегивал темную занавеску. От Каярлыка стлался туман. Зыбкой пеленой он качался над деревьями. И дым от костра не поднимался высоко. Как сквозь воду, увидел Амыр торбоков. Один по одному они выходили из лесу и шли к пригону. Амыр поднялся. Вскочил и Тайгыл, поглядывая снизу вверх на своего хозяина.

— Пошли, Тайгыл, — тихо сказал Амыр, — посчитаем торбоков да загоним их на место...

Окинув прощальным взглядом долину и глубоко вздохнув, Амыр стал осторожно сходить вниз.

## 2

— Ты бы ложился спать, Амыр, — сказал отец. — Завтра рано подниматься.

Амыру уходить от костра совсем не хотелось. Какой уж тут сон... Ведь последний вечер на стоянке. Все-таки как быстро пролетело лето!

— Заедешь домой, — говорил отец, — скажешь матери, чтоб сырчиков прислала да толкану. А если круглосуточные ясли открыли в деревне — обещали на правлении — пусть едет... Одному то не совсем тут весело.

— Ладно, — сказал Амыр.

— Да поезжай из деревни в Каракол верхней тропой, — продолжал отец. — Ближе. Намного ближе. Не побоишься?

— Не побоюсь...

— Смотри... Урочища там глухие... Бывает, что и медведи балуются,— отец испытующе посмотрел в лицо сына.

— Ну и пусть... Я Тайгыла возьму... Вдвоем-то нам не страшно будет.

Амыр подложил сушину в костер. Искры, точно мошकारа, взвились в потемневшее небо. Отец наклонился к котлу, ложкой собрал накипь и выплеснул ее в сторону. Помолчал, раскуривая трубку, снова заговорил. В голосе его, всегда бесстрашном, ровном, Амыр уловил на этот раз теплые нотки.

— Большой становишься. Смотри учись, как следует... Школа для тебя — работа. Так и знай. Все должны работать. Мы — здесь. Ты — там. Придешь из школы в общежитие, спроси себя: «Хорошо ли, Амыр, поработал сегодня?» И вспомни все. Минуту за минутой. Час за часом. Так надо. Понял?

Амыр кивает головой в знак согласия. Поиграть, конечно, хорошо. Без этого никак, пожалуй, нельзя. Но учиться он будет... Вот Айдар, тот почему-то по-другому думает. Часто он списывает у него, у Амыра, то задачи, то самостоятельные работы по языку. Спишет и первым норовит ответить учителю. Разве это можно? Да и кого, собственно, обманывает Амыр? Себя же. А разговаривать с Айдаром почти невозможно: все хвастается, врет... Небось, уже уехал в Каракол. Все же далеко туда. Километров, поди, тридцать пять. Хорошо бы в родной деревне Каянче был интернат. Да это пока, говорят, невозможно. Каракол в центре пастушьих стоянок и зимовий. Туда съезжаются дети пастухов.

Амыр давно смотрит на костер, постепенно сон одолевает его. Он закрывает глаза и видит: из костра вылетела огненная птица. Вот она облетела стоянку и села ему прямо на колени... Смотрит Амыр, а это вовсе и не птица, а Айдар. Он подмигнул ему и прищелкнул хвастливо языком: «Э, а у меня-то лыжи будут и новое пальто...» И засмеялся. Амыр чувствует острую боль повыше колени, вскакивает и... просыпается. Отец стряхивает с его ноги небольшой красный уголек.

— Задремал? Иди в аил. Ложись спать. А я подготавливаю тебе седло. Подпруга там лопнула. Иди.

И Амыр идет, но потом, вдруг остановившись, спрашивает:

— А у Параевых нашлись торбоки?

— У Параевых? — переспрашивает отец. — Нет. А что?

— Да так, — бормочет Амыр. Куда же они делись? Наверное, медведи задрали.— Амыр смотрит в темную пасть ущелья, и ему становится страшно.

— Тайгыл! — подзывает он собаку, и вместе с ней они скрываются в аиле.

3

Кара-Кай Амыр покинул на восходе солнца. А часа через два был в родной Каянче. Узнав, что Амыр поедет верхней дорогой, мать забеспокоилась:

— Заблудишься, Амыр... там столько тропинок. Ехал бы лучше по тракту.

— По тракту мне за два дня не доехать, — сказал Амыр. — А завтра в школу.

— Почему ты раньше не приезжал? Вот Айдар с ребятами на попутной машине уехали.

— Айдару, может, торопиться надо... Успеть рассказать всем о своих приключениях за лето, — сказал с улыбкой Амыр. — У него их всегда больше всех...

Он проверил торока с продуктами и легко вскочил в седло. Мать шла рядом и наказывала:

— Там у водопада будет три тропы... так ты по левой езжай... Слышишь?

— Знаю. У поваленной лиственницы. Ведь мы же как-то ездили с отцом.

— Ну смотри, смотри...

Вот и Каянча скрылась за горой, а мать все еще видно. Она стоит на околице села и тревожно смотрит ему вслед. «Как будто я маленький», — обиделся Амыр и хлестнул своего Пеганку. Тот пошел рысью.

Тропа сначала шла по долине Каярлык, потом стала подниматься все выше и выше. Вот уже и Каярлык скрылся в кустах и остался где-то внизу. Ему дела нет до какой-то там тропы. Он бежит своей дорогой все вперед и вперед навстречу солнцу. Большие дороги у рек. Вот Каярлык сначала один бежит, а потом, ниже водопада, ворвется в Урсул. Потом вместе побегут к Катунь. А Катунь сольется с Бией, образуя Обь. Где же там, в такой большой реке, твоя сила, Каярлык?

«А у людей разве не так же? — думает Амыр... — И у людей так... Вот у нас. Живут, кажется, все отдельно, а думают об одном: как бы колхоз богаче стал. Значит, о колхозе думают... А все, все колхозы? Все колхозы, совхозы и, наверное, заводы и фабрики — ведь там тоже наши люди — думают, как сделать свою страну богаче. И выходит, что все тропы на одной дороге сходятся. Все силы в одну сливаются»...

Едет Амыр один по лесу. Уже три горы перевалил и совсем не страшно ему. Впереди, пригнувшись к чужому следу, весело бежит Тайгыл. Помахивая головой, уверенно идет по тропе Пеганка. А лиственницы — одна другой выше. Стоят по бокам, будто караулят тропу. Под ними мягкий мох стелется. Он укутал старые валежины, которые осыпаны строчками красной ягоды. Амыр не вытерпел, остановил коня. Захотелось попробовать брусники. Выбрав лужайку, он стреножил поводом Пеганку и присел у одной из колодин. Спелая ягода так и просится в рот.

— Все равно уже, пожалуй, полдень. Пусть Пеганка отдохнет, — решил он, — поест, а у водопада и попить можно...

«Некому собирать-то... вот и много ее, — думает Амыр. — А если бы всю собрать, а? Да разве соберешь... Во всем районе кадок, небось, не хватит». Откуда-то из лесу раздался призывной лай Тайгыла. «Что он там обнаружил?» — Забравшись на пенёк, Амыр стал вглядываться в лес. Потом, соскочив с пня, пошел к собаке. — «А вдруг... медведь?» — Амыр остановился. — «Да, но откуда? — прошептал он и снова пошел вперед. — Медведь бы шуму сейчас наделал такого, что в Караколе услышали б... — подбадривает себя Амыр, а все-таки ему страшновато. — Ружье бы... Почему не попросил у отца? Да разве дал бы?.. Самому на каждый день нужно». Отошел Амыр от тропы, в лес углубился, а ягоды вокруг... будто кто нарочно рассыпал — красным-красно!

Преодолев завал из деревьев, Амыр неожиданно увидел впереди себя небольшую полянку, а на ней Тайгыла, бегающего вокруг толстой, с потрескавшейся корой, лиственницы. Заметив Амыра, Тайгыл еще пуще ожесточился. Запрыгал, забегал вокруг дерева.

— Ну что ты лаешь? Белка, да? — сказал Амыр и хотел уже выйти на поляну, как вдруг какая-то сила заставила его пригнуться и отпрянуть за ближайшее дерево. В воздухе мимо него что-то молнией мелькнуло и шлепнулось в кустах. Тайгыл взвизгнул, но не отступил, не спрятался, а бросился вперед. Какой-то серый комок прошуршал в кустах, и в следующее мгновение Амыр увидел его на ближнем суку черемухи. Круглая кошачья голова, усатая морда...

— Рысь! — выдохнул он. — Тайгыл! Тайгыл! Сюда! Ко мне! Быстро оглядевшись, Амыр нашел подходящую палку, отломил ногой тонкий конец ее и запустил в зверя. Фыркнув, рысь бросилась к следующему дереву. Амыр схватил подвернувшийся в руки круглый камень и, не задумываясь, бросил его. Срывая когтями кору, рысь упала на землю, но тут же вскочила и метнулась сквозь кустарник под гору.

— Тайгыл! — позвал Амыр собаку.— Назад!

Громко лая, Тайгыл вскоре вернулся.

— Поехали, брат,— сказал Амыр, тяжело дыша,— тут не так уж безопасно... Поехали, пока не поздно... Запомни это место, Тайгыл. Пихтач начинается...

Поймав коня, Амыр ласково потрепал его по шее.

— Ничего, Пеганка... Водопад скоро должен быть... Там, брат, трава во какая! А сейчас поехали. Поехали, Пеганка.

4

У водопада — черемуховая заросль. «Недаром это место Чадро называют... Черемуха, значит»,— подумал Амыр, еще издали любясь замечательной картиной. Высокий перевал пересекал овраг. С верхнего уступа оврага падала вниз светлая коса небольшой, но быстрой речушки.

Амыр остановил коня и, задрав голову кверху, долго смотрел на водопад. Вот-вот, казалось, серебристая нитка должна оборваться и тогда наступит тишина. Но она все тянулась, распадалась, превращалась в перламутровую пыль. Потом речушка снова собиралась с силами и, пенясь, мчалась на простор бурливым потоком.

Над речушкой, до самого ее впадения в Каярлык, росла сочная никем не тронутая трава.

— Вот и хорошо,— сказал Амыр и, стреножив коня, пустил его в долину.— Давай, наедайся, а мы с Тайгылом посмотрим на водопад... Правда, Тайгыл? Пошли.

С трудом пробираясь сквозь густые заросли черемухи, Амыр то и дело останавливался у кустов, наклонял особенно рясные ветви и с удовольствием обирал их.

— Нет, ты смотри, Тайгыл, что здесь творится, а? Все деревья усыпаны черемухой... просто невозможно пройти мимо.— Тайгыл вилял хвостом и с сожалением смотрел на Амыра, будто говоря: «Ну что ты увлекся пустяками... подумаешь, черемуха... баловство одно».— И, словно понимая его, Амыр опускал ветку и решительно махал рукой:

— Хватит... разве ее всю объешь? Пошли. Пошли.— Но они не проходили и пяти шагов, как новый куст, еще ряснее прежних, встал перед Амыром, даже, казалось, сам наклонялся к нему, и Амыр, вздохнув, останавливался и тянулся рукой к черемухе.

Шум приближался. Вот он вытеснил все другие звуки. Амыр вышел к небольшому котловану. В нем бурлила, кипела вода, низвергаясь сверху. В лицо Амыра полетели мелкие, как туман,

брызги. И все вокруг было опоясано трепетной радугой... Красный, синий, зеленый цвета.

— Уф, как... — прошептал Амыр и закрыл лицо руками. Так, глядя сквозь пальцы, он и стоял несколько минут, любуясь белой струей, падавшей сверху, и разноцветными искрами плясавшей перед ним радугой. Вокруг него искрились ее огоньки.

Он огляделся. Где же Тайгыл? Ах, вот он куда спрятался! Собака обошла котлован слева по косогору и, забравшись на камень, легла, положив голову на вытянутые передние лапы. Её почему-то совсем не интересовал водопад. Она не сводила настороженных глаз со своего друга.

— Эй, Тайгыл! — махнул рукой Амыр. — Ты раду-ду-ду видишь оттуда, а? — Тайгыл ударил хвостом по камню и, прижав уши, подался чуть-чуть вперед. «И охота тебе там мокнуть? — казалось, говорил его взгляд. — Здесь у меня сухо и безопасно... Сюда-то уже вода не достанет». Амыр вприщур смотрел на падающую мощную струю водопада, и ему вдруг показалось, что не вода это падает с крутизны в котлован, а он вместе с теми облаками и камнями летит куда-то в небо. Летит-летит, а оторваться никак не может. Амыр чувствует, как кружится голова. Он тряхнул ею и побежал к Тайгылу. Тут он заметил тропку, поднимающуюся в гору.

— Пошли, Тайгыл, посмотрим, как родится водопад, а? — Тайгыл с готовностью вскочил и первым бросился на тропку.

— Стой! Стой! А где Пеганка?

Амыр оглянулся. Далеко внизу, в широкой долине, опустив голову, ходил конь. Речушка пересекала заросшую черемушником долину и у скалы врывалась в Каярлык. Недалеко от той скалы Амыр заметил какие-то две точки.

«Скот? Откуда он здесь? — подумал Амыр. — Если бы гурт, так видно было весь... Может, рядом стоянка?» Амыр внимательно оглядел прилегавшие к речушке долины и, кроме кустов, камней да темневшего по склонам гор леса, ничего не обнаружил. «Нет, стоянки не видно... И гурта тоже... Наверное, отбились от стада... Забрели в тихое глухое место и пасутся себе... А их, небось, ищут по горам...» Амыр посмотрел на солнце... «Уже обед», — подумал он и обратился к Тайгылу:

— Вот посмотрим, откуда бежит эта речушка и спустимся к Пеганке... Пообедаем... Ладно? Пошли быстрее, Тайгыл, пошли. Они стали карабкаться по крутому склону к вершине горы. Вершина была разрезана неглубоким оврагом, по которому бежала к выступу скалы речушка. Вдали чернел лес. Речушка

была так мала, что ее легко можно было перепрыгнуть. Амыр махнул рукой Тайгылу.

— Айда, Тайгыл... Кто вперед! — разбежался и прыгнул. Он перелетел через воду и уже коснулся ногой каменного выступа на противоположном берегу, но мох, которым был покрыт камень, предательски скользнул под ногой в речушку, и Амыр плюхнулся в воду.

Узенькая речушка оказалась глубокой, и не успел Амыр опомниться, как она легко подхватила его, перевернула на волне и понесла, как перышко, к водопаду... Амыр рванулся к берегу и судорожно стал хвататься руками то за траву, то за камень... Но трава тут же рвалась, камни выскальзывали из-под рук... Тайгыл бежал по берегу и заливался лаем. «Что же это? Как быть... как быть?» — растерянно металась мысль. А водопад приближался. Все грознее становился его рев.

К счастью, Амыр вовремя заметил большую колодину, завалявшуюся почти поперек речушки. Он ухватился за нее, напряг все силы, вылез, сел верхом и, посмотрев вниз на речушку, зажмурился. Страх пронизал его: колодина была в пяти шагах от обрыва. Отдохнув, собрав силы, стараясь не глядеть в сторону водопада, Амыр осторожно пополз по колоде к берегу.

Выбравшись на берег, он устало опустил на траву. Руки и ноги его вздрагивали от озноба. Подбежавший Тайгыл лизнул ему щеку и запрыгал вокруг, радостно повизгивая. Амыр устало улынулся и с трудом проговорил:

— Вот как... оно... Тай... гылка, получается...:

Отдышавшись и немного успокоившись, Амыр встал, облюбовал широкую каменную плиту и пошел к ней. Он снял одежду, выжал ее, снова натянул на себя и лег животом на теплую плиту.

— Подсохнем немного, Тайгыл, и пойдем к Пеганке, — сказал он. — Костер бы нам... а? Быстро б все высохло... Но спичек, нет, брат... придется уж так... на солнышке:

Помолчав, он весело воскликнул:

— Бывает же такое, а? Ты, небось, и не через такие речушки прыгал, а? А я вот понадеялся на себя... Еще б немного и... водопад. Хорошо, что колодина эта подвернулась, а то б... а то б... — Амыр не договорил. Что-то сдавило горло. Он замолчал.

## 5

Солнце уже начало закатываться за гору, когда Амыр спустился вниз, отыскал в кустарнике Пеганку и отвязал тороки.

В одном из них были свежие сырчики. В другом — вяленое сухое мясо.

Поделившись едой с Тайгылом, Амыр присел у речушки и стал торопливо есть. Надо спешить. Солнце уже плясало над самым водопадом. Скоро и совсем скроется за горой, а до Каракола, пожалуй, километров пятнадцать еще, не меньше. Пеганка не отрываясь щипала сочную траву. «Какие здесь выпаса, — подумал Амыр. — Торбоков бы наших сюда.. Может нельзя.. А тут бы они отъелись в два счета.. Ишь Пеганка как уткнулась в траву, так и с места не сходит. Добрая трава..»

Амыр уже сел на коня и стал спускаться по тропе к Каярлыку, как снова бросились в глаза животные, пасшиеся за кустарником.

— А ну, что за скот, — сказал Амыр, направляя коня прямо через кустарник. Завидев одинокого всадника, оба торбока враз подняли головы и подозрительно стали смотреть на него. — Хорошие торбоки, — отметил про себя Амыр. — Только откуда они? Почему нет вблизи никакого стада?

Тайгыл побежал было прямо на бычков, но те, завидев его, не испугались, а наоборот, пригнув головы, смело пошли навстречу. Тайгыл запрыгал вокруг, увертываясь от их рогов, залился лаем.

— Их не испугаешь, — проговорил Амыр, — ишь как отъелись. — И крикнул: — Да ты брось их пугать.. брось, Тайгылка.. Поехали.. Надо торопиться..

Переехав вброд речушку (в долине она была совсем мелкой), Амыр внезапно развернул коня и вернулся к торбокам.

— А не Параевых ли это.. торбоки? — подумал он. — Пестрые.. оба пестрые.. У них весь гурт от холмогорок.. Ищут их в верховье Каярлыка, а они ушли вниз..

Амыр беспомощно огляделся. Никого вокруг.. «Передать бы как-то на стоянку Параевых, — подумал он. — Вот если бы Тайгыла обучить раньше, чтоб записки мог таскать.. Может, сказать в Караколе Айдару?» — эта мысль понравилась и, успокоившись, Амыр уже повернул коня и позвал Тайгыла, как неожиданно пришла другая:

«Уйдут.. Разве будут ждать? Заберутся на гору, а там.. тайга, завалы. Ищи их.. Ну а тебе, собственно, какое дело до Параевских торбоков?.. Не ты же и не твой отец отвечает за них. Нечего и болеть. Небось, Айдар и не подумает. Сколько дней уже околачивается в Караколе. Ему плевать на тех торбоков, а тебе? Тебе больше других надо?»

Амыр переехал речушку и уже погнал коня, но непонятная сила заставила его натянуть поводья и остановиться.

— Айдар,— прошептал он раздраженно,— что тебе с него пример брать... торбоки-то колхозные... Значит, всех касается эта пропажа... Айдару, может, совсем ничего не надо.

Амыр не знал, на что решиться. Повернуть назад и гнать этих торбоков, значит опоздать в школу на весь день, подвести классного руководителя Майю Кыдрашевну. Не гнать, сделать вид, что не заметил, значит, поступить нечестно... Это ведь все равно, что обмануть родной колхоз...

Ну, а вдруг это совсем чужой скот? Амыр нерешительно повернул Пеганку назад и, подылав к речушке, стал пристально разглядывать торбоков. И чем больше смотрел на них, тем больше убеждался:

— Их это торбоки... Параевские.

И Амыр принял, наконец, решение. Он соскочил с седла, выломал длинный ивовый прут, снова залез на коня и, дальше уже ни о чем не думая, выгнал торбоков из кустов на тропу и погнал их в сторону Каянчи.

## 6

Первого сентября Амыр весь день был в дороге. Когда подъехал к интернату, прозвучал последний звонок и тотчас из классных комнат выбежали ученики... Они окружили Амыра и стали тормозить его.

— Почему опоздал?

— За смуранками пробегал.

— Нет, серьезно,— пристала к нему Тана Караева.— Ты решил подводить отряд с первого дня, да?

Ну до чего же эта Тана прилипчивая. Как смола. А как она возмужала за лето. И косы отросли, аж до колен. Амыр с любопытством разглядывал ее и сам не замечал, что улыбается ей во весь рот. Тана свела свои черные брови у переносицы и сердито дергала его за рукав.

— Что разглядываешь? Это мне надо тебя... ты... — и вдруг смущенно улыбнулась и опустила глаза.

— Опоздал... было дело... вот и не успел.

— А почему Айдар вовремя приехал? Ведь его стоянка еще дальше твоей,— упорствовала Тана, хотя голос ее вдруг почему-то потеплел.

— Так то Айдар, а не я,— буркнул Амыр и стал расседлывать коня.

— Он примерный пионер... вот,— сказала Тана и побежала. Амыр ничего не ответил. Он повесил седло на прясло и повел коня на луг, который сразу же начинался за школьной оградой. Его догнал Айдар. Он был в белой рубашке. На шее красный галстук.

— На тебя Майя Кыдрашевна обиделась... И вообще весь отряд...— выпалил он, не переводя дыхания.— Ты недисциплинированным оказался. Вот я тоже пас торбоков, а приехал еще двадцать седьмого числа. За три дня до начала занятий. Я чувствую ответственность... да...

— Перестань болтать,— перебил его Амыр, спутывая коня.

— Подумаешь! — обиделся Айдар.— Сейчас не только на учебу, но и на дисциплину смотрят... учти.

— Учту. Не тараторь только, пожалуйста...

Амыру хотелось сказать ему что-нибудь такое, обидное, но он только отмахнулся от навязчивого товарища.

— Отстань. Видно, похвалили...

— Похвалили,— самодовольно улыбнулся Айдар.

— Майя Кыдрашевна?

— Да.

— Председатель совета дружины Тана?

— Конечно. Она теперь замечает меня... Да. А о тебе сказала: «Не ожидала от него такого».

Амыр покраснел. Отпугнув от себя коня, он выпрямился и насмешливо бросил:

— Ну, где ж мне... против такого героя, как ты...— И пошел в общежитие.

...Воспитательница Зоя Васильевна, встретив его на крыльце, обрадованно воскликнула:

— Ну, вот и прибыл... а я уже беспокоилась... Твоя койка по-прежнему у окна. На нее столько претендентов... Особенно Айдар. Таковую бучу поднял... «Раз, говорит, он опаздывает, не очень дорожит школой». А я верила: приедешь.

Амыр сходил в классную комнату. Списал расписание. Разложил учебники. Попробовал повторить правила по грамматике. Ребята в ограде играли в лапту и мячик... Смех и крики врывались в общежитие и не давали сосредоточиться. Уже темнело. Амыр вспомнил о коне.

— Пойду. Посмотрю...

Завтра, наверное, придут и заберут Пеганку. Смотреть тут за ним совсем не будет времени. Около Урсула его догнала Тана. Она запыхалась. Схватив его за плечо, Тана сказала:

— Ты не сердись, Амыр... Ладно? Это ведь так надо...

Опоздал и вот... поругала. Еще Майя Кыдрашевна будет ругать... А я уж совсем забыла про все... Не будешь сердиться?

— Да нет... чего уж тут...

— А ты скажи правду, почему опоздал? Неужели, как говорит Айдар...

— Врет он... Да я школу ни на что не променяю. А вот случилось... — он помолчал. Никому не хотел говорить об этом. Но это ведь Тана... А о ней он и там, на стоянке, не раз думал. Как-то с ней хорошо... И сейчас вот глаза ее так горят... И Амыр рассказал ей все, как было.

— Я так и знала... Нет... ты хороший, Амыр... Я не знаю, как тебе сказать... — и вдруг она хлопнула его по плечу и побежала к интернату. Ох и здорово бегают Тана... Еле догнал.

## 7

Майя Кыдрашевна, заметив Амыра, тепло улыбнулась и сказала весело:

— Ну, теперь, кажется, все. Не так ли?

— Так, — откликнулся класс.

— Почему ты забыл о школе, Амыр? — Амыр встал.

— Я не забыл.

— Ну, как же! — пожала плечами молодая учительница. — Выезжаешь в школу первого сентября. Не ожидала от тебя. Ведь ты лучший ученик класса. И вот тебе на: с первого дня учебы — нарушение.

Амыр, потупясь, молчал. Вдруг он услышал шепот Таны:

— А ты скажи... скажи.

Но он продолжал молчать.

— Майя Кыдрашевна, — раздался голос Таны. — Он сделал большое дело...

— Садись, заступница, — улыбнулась учительница. — Садись, Амыр. Начнем урок.

...На перемене Айдар, в кругу ребят, громко говорил:

— Нынче я решил хорошо учиться. Дал слово отцу. Он мне обещал настоящие лыжи... С бамбуковыми палками...

— Не хвались, Айдар, — оборвала его Тана. — Когда подарит, тогда и увидим.

— И подарит. Отец зря не скажет...

— А ты вот не в отца пошел, — засмеялась Тана.

Как-то вечером Айдар поднял во дворе крик.

— Отец! Вон он, вон... едет... А что я говорил? Смотрите, и лыжи везет из раймага.

Все выскочили навстречу всаднику, подъезжавшему к интернату со стороны райцентра. Сбоку коня его действительно были привязаны лыжи... Амыр видел это из окна общежития... «Еще до снега далеко, а он уже побеспокоился,— подумал Амыр.— Крепкий на слово дядюшка Параев...»

Айдар подбежал к отцу первым.

— А палки бамбуковые, отец? — спросил он, нетерпеливо хватаясь за лыжи.

— Бамбуковые,— сказал отец и слез с коня. Айдар гордо оглядел ребят. Подошла Майя Кыдрашевна.

— Вот это забота... я понимаю. Здравствуйте... Только снег-то ведь еще не скоро...

Параев засмеялся. Пригладил усы.

— Знаю... Да вот не терпелось порадовать Амыра... Где он...

— Амыр? Почему Амыр? — удивилась классный руководитель.

— Разве вы ничего не знаете? Он не говорил вам?

— Амыр! Где Амыр! — закричали мальчики и бросились в общежитие.

Айдар, будто обжегшись, отошел от коня и растерянно смотрел на отца, слушая его рассказ о потерянных торбоках. Обида и стыд жгли его.



## ФЕДЬКИНА ДОРОГА

**X**

орошо, конечно, у тети Ньюши, но пора и домой — от каникул один хвостик остался, разъединственный денек, да и тот, как тетя Ньюша говорит, куцый. И вправду: великий день в январе?

С вечера тетя Ньюша сходила к председательше за дрожжами, завела квашню и, завязав полотенцем, поставила на печь. Пусть укиснет да подымется. Ой, и калачи же умеет печь тетя Ньюша! Выкатает четыре калача — и стол занят. Такие они боль-

шие. Потом, когда печь истопится, посадит их на горячий под, закроет печку заслонкой и накажет:

— А ну, Федор, заметь-ка время!

Федя взглянет на ходики, на цифру под минутной стрелкой и, чтобы не забыть, про себя шепотком повторит ее раза четыре.

Вкусен калач горячий, разломишь его, а он во все стороны запарит. Такие калачи Федя не раз ел с Танькой, дочкой тети Ньюши. Ей всего четыре года, и она еще толком не понимает, какие они лучше: с молоком горячие или мороженые, после того, как повисят на ухвате в снях.

Нет, тут, в Туманке, куда лучше, чем в райцентре, в Чистом Истоке, где Федя живет с матерью. И чего она там прилипла, мать-то? Добро бы отца ждать, а теперь чего же ждать, если в похоронной так прямо и написано, что погиб геройской смертью. Так нет, все ждет: вдруг, Феденька, да объявится. Вдруг придет письмо. А ведь год прошел с похоронной-то...

Федя, свесив голову с печи, посмотрел в окно и ничего не увидел. Не стекло, а прямо заячья шкурка — заиндевело все, даже закуржавилось. Хорошо бы последний разок на ферме побывать с ребятами. Дежурили они там не раз вместо матерей. Улягутся около кормушек в пахучее сено и не могут наговориться. Другой раз придет к ним в компанию дядя Ульян, что рядом с тетей Ньюшей живет. Придет и начнет рассказывать про фронт. Всего один год повоевал, а сколько увидел. Раненый он, вместо руки мосол торчит, и бок весь изуродован.

Дядя Ульян хоть и в председателях ходит, но не стесняется посидеть с ребятами. Расскажет что-нибудь интересное и, уходя, серьезно так накажет:

— Вы, ребята, того, значит. Посидите, покарауйте... Это вам боевое поручение, все равно, что на фронте... Как станет какая корова маяться, поднимайте тревогу, будите хозяйку... Ясно?

И руку под шапку сделает по-военному.

Хороший человек дядя Ульян, только некогда ему засиживаться, хозяйство на руках. Все про одного разведчика рассказывает. Начать-то начнет, а никак не окончит.

— Вот такой же пацан, как вы, а настоящий орленок был. Воспитанник в части. Дошлый парнишка. И по-ихнему чуть не все лопотал, и ходок был неутомимый. За полста километров уйдет в день, и хоть бы что. Петрухой звали... А больше — Орленком. В полном обмундировании ходил, револьвер носил.

У Феде даже во рту пересыхало от такого рассказа.

Сегодня, может, дядя Ульян придет и будет рассказывать

про Орленка, а он, Федька, ничего не услышит. Тетя Ньюша наказала, уходя на ферму:

— Ты свое оддежурил, Федор. Отдохни перед дорогой. Да и за Танькой следи. Поужинайте и спать... Небось, и так у нас надоело, а?

Ой же и чудная тетя Ньюша! Да он готов всю жизнь не уезжать от них. Все мать виновата, она в своем Заготзерне присохла. Правда, редко сюда кино приезжает, а в Чистом Истоке он и лазейку под сценой знает... Да к чему оно кино сейчас? На голодный желудок не шибко интересно смотреть, как артисты едят всякую всячину.

Федя слез с печи, снял с гвоздика ковшник и зачерпнул воды. Из горницы донеслось протяжное:

— Федя, пи-ить...

— Ну иди.

— Нст, ты сюды-ы... Федь!

— Барынь в семнадцатом году вывели.

— Ну Федь-ка-а,— затынула Танька.

— Не пиши, ладно, принесу,— недовольно произнес Федя и, зачерпнув воды в ковш, осторожно понес в горницу.

Танька сидела у окошка на ящике и возилась с куклой.

— На, пей... И чего ты тут в потемках глаза портишь? Ложись спать...

— Подержи-и,— протянула Танька, подавая ему куклу.

Федя взял круглый сверток, забинтованный разноцветными тряпицами, и с презрением осмотрел его. На белом комочке две точки, сделанные химическим карандашом, такого же цвета ободки бровей, прямая линия, обозначающая нос, и кругляшок вместо рта.

— Вон и Матрешка твоя зевает,— сказал Федя.— Пошли...

— Я не хочу-у... Зажги лампу...

— Керосин весь вышел... Мать ругаться будет.

Уложив кое-как Таньку, Федя залез на печку. Пригревшись, снова подумал об Ульяне, о разведчике, о ребятах, с которыми теперь, пожалуй, до самой весны не свидится.

И опять задумался о разведчике. Револьвер и полное обмундирование... Небось ка-ак пухнет в немца. Языка притащит. Героем, поди, придет домой тот разведчик... С орденом, с медалями... Вот в школу заявится. Это да... Орленок...

Федя вздохнул. От окна падал бледный клинышек света. Он упирался в передний угол, откуда прямо на Федю нацеливался огромным пальцем плакат:

«Что ты сделал сегодня для фронта?»

Дома у Феди такой же плакат, а вот у Тюнькиных почему-то его нет... Мать говорит, что дядя Евграф Тюнькин, что в Заготзерно завскладом, не выносит взгляда на плакате. «Не чиста у Евграфа совесть,— говорит мать почему-то шепотом.— Только ты никому... Слышь?» Больно-то нужно Феде трепаться. Хоть Тюнькин и родней матери приходится, отец никогда не водил с ним компании. Был он, этот Граф, какой-то инвалид. Травленный, якобы, газами еще в ту войну. Жадный до невозможности. И Сережка в него пошел. Хоть он и одноклассник Феде и родня, а Федя с ним не дружит. Будто жареная тыква: пухленький, рыхлый. А жадный — прямо страсть! Корки не даст. Вес в отца. А хлеба у дяди Графа невпроворот. Умел жить. В Бийске триста рублей за ведро картошки драг, а ведро с котелок.

Взял как-то Федя у ихней ограды бросовую шестеренку: хорошо ее покатать. Только шагнул от ворот, как за плечо кто-то как дернет.

— Стой! Чего стащил, мазурик? — рявкнул голос.

Оглянулся Федя — дядя Граф! Глаза узенькие, злые, из рта прет, будто из винной бочки. Вырвался Федя, шестеренку бросил:

— Жрите... Может, подавитесь! — выкрикнул от обиды.

— Как? Что? — заорал, затопал ногами Граф.— Да я вас обоих с матерью... Ах ты, гнида!..

Вечером мать униженно просила Графа не обижаться.

— Несмышленный он... Федька-то...

— Змееныш он — вот кто... Старших не почитает,— хрипел уже пьяный Граф.— Мне что стоит спихнуть тебя с работы? Р-раз. Тыфу, и нет тебя...

— Правда, Евграф Петрович... Правда,— угодливо поддакивала мать.

Федя лежал на полатах, и так было обидно и за мать и за нескладную жизнь. Где же она раздобыла ему бутылку перегонна? А Граф сидит, куражится, икает, на пол плюется. Подойдет к полатам, кричит:

— Слышь, ты? Чего притаился? Скажи: спер с ограды шестеренку, а?

— Ничего я не спер. У ворот лежала.

— У ворот. Ишь ты! У ворот. А чьи ворота, а?

— Ваши.

— То-то. Значит, и у ворот мое.

— Зачем вам эта шестеренка? Все равно, поди, забросили?

— Это уж дело мое. Захочу и заброшу, потому как вещь моя. Понял? То-то...

про Орленка, а он, Федька, ничего не услышит. Тетя Ньюша на-казала, уходя на ферму:

— Ты свое отдежурил, Федор. Отдохни перед дорогой. Да и за Танькой следи. Поужинайте и спать... Небось, и так у нас надоело, а?

Ой же и чудная тетя Ньюша! Да он готов всю жизнь не уезжать от них. Все мать виновата, она в своем Заготзерне присохла. Правда, редко сюда кино приезжает, а в Чистом Истоке он и лазейку под сценой знает... Да к чему оно кино сейчас? На голодный желудок не шибко интересно смотреть, как артисты едят всякую всячину.

Федя слез с печи, снял с гвоздика ковшник и зачерпнул воды. Из горницы донеслось протяжное:

— Федя, пи-ить...

— Ну иди.

— Нет, ты сюды-ы... Федь!

— Барынь в семнадцатом году вывели.

— Ну Федь-ка-а,— затынула Танька.

— Не пиши, ладно, принесу,— недовольно произнес Федя и, зачерпнув воды в ковш, осторожно понес в горницу.

Танька сидела у окошка на ящике и возилась с куклой.

— На, пей... И чего ты тут в потемках глаза портишь? Ложись спать...

— Подержи-и,— протянула Танька, подавая ему куклу.

Федя взял круглый сверток, забинтованный разноцветными тряпичками, и с презрением осмотрел его. На белом комочке две точки, сделанные химическим карандашом, такого же цвета ободки бровей, прямая линия, обозначающая нос, и кругляшок вместо рта.

— Вон и Матрешка твоя зевает,— сказал Федя.— Пошли...

— Я не хочу-у... Зажги лампу...

— Керосин весь вышел... Мать ругаться будет.

Уложив кое-как Таньку, Федя залез на печку. Пригревшись, снова подумал об Ульяне, о разведчике, о ребятах, с которыми теперь, пожалуй, до самой весны не свидится.

И опять задумался о разведчике. Револьвер и полное обмундирование... Небось ка-ак пухнет в немца. Языка притащит. Героем, поди, придет домой тот разведчик... С орденом, с медалями... Вот в школу заявится. Это да... Орленок...

Федя вздохнул. От окна падал бледный клинышек света. Он упирался в передний угол, откуда прямо на Федю нацеливался огромным пальцем плакат:

«Что ты сделал сегодня для фронта?»

Дома у Феде такой же плакат, а вот у Тюнькиных почему-то его нет... Мать говорит, что дядя Евграф Тюнькин, что в Заготзерно завскладом, не выносит взгляда на плакате. «Не чиста у Евграфа совесть,— говорит мать почему-то шепотом.— Только ты никому... Слышь?» Больно-то нужно Феде трепаться. Хоть Тюнькин и родней матери приходится, отец никогда не водил с ним компании. Был он, этот Граф, какой-то инвалид. Травленный, якобы, газами еще в ту войну. Жадный до невозможности. И Сережка в него пошел. Хоть он и одноклассник Феде и родня, а Федя с ним не дружит. Будто жареная тыква: пухленький, рыхлый. А жадный — прямо страсть! Корки не даст. Весь в отца. А хлеба у дяди Графа неупроворот. Умел жить. В Бийске триста рублей за ведро картошки драг, а ведро с котелок.

Взял как-то Федя у ихней ограды бросовую шестеренку: хорошо ее покатавать. Только шагнул от ворот, как за плечо кто-то как дернет.

— Стой! Чего сташил, мазурик? — рявкнул голос.

Оглянулся Федя — дядя Граф! Глаза узенькие, злые, изо рта прет, будто из винной бочки. Вырвался Федя, шестеренку бросил:

— Жрите... Может, подавитесь! — выкрикнул от обиды.

— Как? Что? — заорал, затопал ногами Граф.— Да я вас обоих с матерью... Ах ты, гнида!..

Вечером мать униженно просила Графа не обижаться.

— Несмышленный он... Федька-то...

— Змееныш он — вот кто... Старших не почитает,— хрипел уже пьяный Граф.— Мне что стоит спихнуть тебя с работы? Р-раз. Тьфу, и нет тебя...

— Правда, Евграф Петрович... Правда,— угодливо поддакивала мать.

Федя лежал на полатях, и так было обидно и за мать и за нескладную жизнь. Где же она раздобыла ему бутылку перегонна? А Граф сидит, куражится, икает, на пол плюется. Подойдет к полатям, кричит:

— Слышь, ты? Чего притаился? Скажи: спер с ограды шестеренку, а?

— Ничего я не спер. У ворот лежала.

— У ворот. Ишь ты! У ворот. А чьи ворота, а?

— Ваши.

— То-то. Значит, и у ворот мое.

— Зачем вам эта шестеренка? Все равно, поди, забросили?

— Это уж дело мое. Захочу и заброшу, потому как вещь моя. Понял? То-то...

Он неверными шагами возвратился к матери.

— Родственники мы, Степанида, и потому все прощаю. Работай, дай бог тебе... А мы вот еще выпьем одну. Одну и хватит. Потому как мы имеем на то права... Да...

Перед самыми каникулами приехал к Тюнькиным племянник Тимоха-воха. Глаза у него были маленькие, зеленые, как у Графа. Был он здоровенный и круглый, как чувал. Тимоха-воха пришел из тюрьмы. Семь лет отбыхал. Теперь к дяде заявился.

Эх, уйти бы на фронт, да как? И мать... Как ее бросишь? До войны, помнится, совсем не такой была. На этого Графа смотреть не могла, говорила, что не чист на руку, грязной души человек. А теперь — «умеет жить»...

Федя долго не мог уснуть в эту ночь. Ворочался. Раза три слезал воду пить.

Уснул как-то совсем неожиданно и проснулся оттого, будто кто-то щекотал за ресницы. Вскинулся, а это солнце. Прямо из окна лучом достало. Окно было розовое, светилось, искрилось в золотых льдинках. Тетя Ньюша суетилась у стола, лапшу на завтрак, что ли, резала.

— Проснулся, Федор? — спросила она.

— Однако уже поздно, тетя Ньюша? — испугался Федя, топропливо соскакивая с печи и обувая на ходу валенки.

— Да нет. Танька спит еще.

Тетя Ньюша говорила устало. «Не случилось ли чего на ферме?» — подумал Федя.

— Мимо Зеленого Клина пойдешь? — спросила Федю тетя Ньюша, когда сели за стол.

— А что?

— Там прямее дорога. Заодно стожки наши посмотришь, целы ли.

— Ладно, — кивнул головой Федя.

Тетя Ньюша добавила со вздохом:

— Теперь только на те стожки и надежда... Чем докармливать будем коров — не знаю. Пробриться бы до первой полянки... Хоть бы отрубей или отходов раздобыл Ульян... Ешь, Федор! Давай подолью.

Тетя Ньюша разговаривала с Федей, как со взрослым. Когда он собрался в дорогу, она задумчиво сказала:

— Как бы бурану не быть. Солнце какое-то квелое. Ульян чуть свет умчал в райисполком, отходы просить... Знать бы — уехал с ним.

— Ничего, тетя Ньюша, — бодро сказал Федя, — дойду. А дядю Ульяна я встречу.

Тетя Ньюша грустно улыбнулась:

— Ух ты, боевой какой...

Укладывая в сумку сало и несколько калачей, наказала:

— Перебивайтесь там как-нибудь до весны, а весной Степаниду сагитирую сюда. Хватит...

Тетя Ньюша проводила Федю и долго стояла за воротами, закутавшись в белую шаль.

## 2

Федя вышел за деревню, поднялся на бугор и оглянулся. Перед ним, будто на картинке, лежала Туманка. В центре, на площади, в большом ветловом саду — школа. В конце деревни — фермы.

Он бодро зашагал по узенькой санной дороге. Спиной чувствовал тепло еще не остывших в мешке калачей, и было от этого радостно. «Вот дойду до Зеленого Клина, — думал он, — посижу у ближнего стожка, можно будет там самую малость калача отломить и кусочек салца съесть. Так в пути положено. А вот не забыл ли складень?»

Федя похлопал по карманам.

— Здесь, — улыбнулся он.

Такой складень потерять нельзя: отцовский подарок. Федя его вечно будет хранить. Куплен этот складень в Барнауле. Отец ездил сдавать экзамен на капитана катера. Сдал и привез подарок. Как хорошо тогда было! Никогда не забудет Федя это лето. Отец возил с той стороны Оби совхозный лес. И Федю не раз брал с собой. После экзаменов отец будто помолодел. Буря на Оби разыгрывается, а он стоит у штурвала и посвистывает себе.

— Теперь, говорит, сынок, я на реке вроде хозяина. Не обманешь меня — знаю что и как. Раньше бы я в бурю-то и у берега побоялся стоять, а теперь — шалишь! И ты учись на настоящего капитана... Вон, как на «Дрокине» или на «Товарище».

Идет Федя к Зеленому Клину и никакой усталости не чувствует. Уже и Волчью падь миновал. Сейчас войдет на Лысую сопку, а там и до березовой роши недалеко. Раньше колхоз «Заря коммунизма» там пасеку держал. Вот одолел и сопочку. Ух, жарко! Он снял шапку и посмотрел сначала назад — ого, сколько прошел! Потом — вперед. Белым-бело кругом. Сугробы, словно застывшие волны, и лишь вдалеке чернеются стога. Там и есть Зеленый Клин. Теперь уж близко.

Когда Федя спустился в лесок, ему стало не по себе: уж больно тихо в лесу, а из-за каждой березы будто кто-то

поглядывает на тебя. Вдруг впереди, в каких-то двух шагах, что-то бухнуло прямо на дорогу. Федя так и застыл на месте. Вгляделся получше, а это снег: шапка с дерева шлепнулась.

«Испугался тоже»,— недовольно подумал Федя и нарочно громко кашлянул, но шагу прибавил. Шапки стали падать одна за другой. И что это они, будто сговорились пугать его. Не очень-то он испугался. Вот разве волчица из чащи вылезет. Развелось волков за эти годы много. Осмелели.

— Пах! Пах! — валились снежные папахи, но уже позади, Федя вышел из леска и остановился. Деревья глухо шумели.

Федя снова зашагал вперед. Ветер усилился, он дул в спину, и это даже радовало. Словно отцовская сильная ладонь помогала идти, подталкивая и придерживая сзади. Но когда из-под ног заструились снежные ручейки, Федя остановился. Серая муть закрыла все впереди, снег вокруг потемнел.

— Буран!.. Буран начинается,— испугался Федя.

Он стал себя подбадривать — идти-то по ветру, да и немного идти. На Зеленем Клину можно залезть в стог и переждать. Хлеб есть, сало тоже. Надолго хватит. Пусть в стогуту занесет. Дойти бы вот только до стогов быстрее.

Федя прибавил шагу, а потом побежал. Но пробежал совсем мало: стали подкашиваться ноги. Эх, хоть бы дядя Ульян скорее ехал! Уедет он с ним обратно к тете Нюше.

Но дяди Ульяна не видно. Федя сбился с дороги, увяз в сугробе, упал. А ветер все крепчал и крепчал. До стогов бы, до стогов пробраться.

Федя снова провалился в снег и сгоряча побежал было напрямик, но вскоре ослаб и присел прямо на сугроб. «Не сиди... не сиди, замерзнешь, — вспыхнула тревожная мысль. — Вставай и иди... Иди, ищи дорогу». А вставать уже и не хотелось вовсе. Хорошо стало ногам и всему телу.

— Где же стога? Ничего, ничего не видно. Федя с трудом поднялся и стал искать дорогу. Он снова провалился в снег до самых колен. Вот, кажется, следок от полоза. Так и есть — дорога. Теперь бы не потерять ее. Федя стал осторожно пробираться вперед, до боли в глазах всматриваясь в степь. Вдруг снова ухнул в снег и куда ни кидался — вправо, влево — все целик и целик. Неужели погибать? Занесет, задует и все. Сердце Феде больно сжалось. Вспомнилась тетя Нюша, мать... И не думает, поди, что тут с ним творится. — Дрогнули губы.

Федя заметил какое-то темное пятно. Потом оно исчезло за снегопадом. Снова показалось.

«Поползу,— решил Федя,— наверное, стог». Он пополз из

последних сил, а когда вымокли рукавицы и стали мерзнуть пальцы, отогревал их дыханием и снова полз. Мешок за спиной норовил перевернуться через голову. Бросить бы его, да нельзя: хлеб ведь там.

Трудно, ох, как трудно ползти! Глаза забивает снег, только отряхнет его рукавом, а он опять... Горит лицо, обжигает его снег. Лечь бы сейчас и уснуть, но нет, спать нельзя. Федя поднялся и прямо перед собой увидел отвесный бугор.

Ну, вот и Зеленый Клин. Неужто ночевать придется тут? Ведь не поедет дядя Ульянов в буран. Заночует в Чистом Истоке. Федя прислонился к березе. Ему стало страшно... Вдруг он услышал близкое фырканье коня... Федя поднялся и пошел на этот звук. У соседнего стога стояли три подводы. Двое саней были нагружены сеном, а возле третьего быстро орудовали вилами два мужика. Сено из-под вил так и летело по ветру.

— Воры!..— прошептал Федя. Сердце бешено заколотилось.— Что же делать? А сено-то... Сено так и летит по степи, целыми охапками...

«Дотянуть бы до первой полянки»,— вспомнил Федя слова тети Ньюши.

— Пойду,— стиснув зубы, вполголоса проговорил он, буд-то отдал приказ себе,— и сразу стало спокойнее.— Пойду... Пойду и не дам... Пусть что хотят... Пусть...

Он вытащил складень и смело вышел из-за березы. А те все кидали и кидали навильники. Сено огромными космами вырывалось из-под вил и тут же исчезало в серой пелене бурана.

— Стой! — закричал Федя и побежал, но увяз в снегу и тут же упал.

— Стой! — закричал он снова, быстро поднявшись и уже подбегая к прикладку. Его заметили. Тот, что стоял на возу, смахнул с лица снег, дико взглянул на мальчика, потом на того, который кидал со стога.

Что-то страшное мелькнуло в этом взгляде. Федя замер. Здоровый парень, сжав в руке вилы, подошел к краю стога.

— Эй, да это никак Федька? — раздалось вдруг с воза.

— Дядя Евграф? — прошептал Федя и узнал обоих. Это были Граф и его племянник Тимоха-воха...

— Ты как сюда попал, пострел? Вот ведь чертенок! Неужели из Туманки? — выпрашивал Граф, нехорошо хихикая. У Феде пересохло в горле. Он кивнул.

— Да это Степаниды мальчонка,— продолжал Граф, обращаясь к Тимохе-вохе.— Застыл? А ну лезь на воз. Топтать будешь. Да сними свой мешок.

— Это же... Это же колхозное сено, — проговорил Федя.

— Давай залазь, чудак... Колхозное... А то чье же? Ясное дело... Договорились вот за отходы... Десять центнеров... Ну, чего рот разинул? Давай, давай... Окоченеешь ведь... Эх ты! И надо же ведь в такую погоду идти. Бить тебя некому...

Феде стало веселее. И как это он подумал, что воры? Отходы, ясное дело, посытнее для скота будут. И он бодро залез на стог. Но тут же сверкнула мысль: почему дядя Ульянов сам не проводил их до Зеленого Клина? А что, если врут? Ишь, переглаживаются, как сычи. Воруя, а я топчу, помогаю им. Уж очень они торопятся... Обождать бы, не накладывать, пока буран. Вон сколько сена по степи разносит. Нет, дядя Ульянов не разрешил бы ехать в буран. У Феде снова больно заныло сердце. Он выпрямился и посмотрел в сторону Чистого Истока.

— Держи! Держи! — крикнул снизу Граф, подавая ему под ноги навильник сена.

Приняв его, Федя еще раз взгляделся в дорогу.

— Иль кого заметил? — перенял его взгляд Граф.

— Да ведь дядя Ульянов должен...

— Ульянов? Какой еще Ульянов? — встревоженно метнул глазами на Тимоху-воху Граф.

Федя пристально взглянул на обоих. Тревога их не оставляла никаких сомнений...

— Значит, вы... вы меня обманули? — сел вдруг на возу Федя.

— Ах, Ульянов! — воскликнул, деланно хихикнув, Граф. — Тьфу, черт... А я думаю, какой-такой... Он оформлять отходы остался. Ну, а нам разве есть когда ждать — ни у кого соломинки не осталось. Вон и мать твоя прутья собралась рубить. Привезем и ей подбросим... Давай, давай...

Граф обошел воз, одергал его, подал бастрык.

— Держи... Хватит, пожалуй...

Федя принял бастрык и, дернув вверх, лег на него, придавив телом. Тимоха-воха уже перекинул веревку через него и с силой рванул вниз. Под бастрыком сразу же задрались кверху концы придавленных стеблей... Воз качнуло, Граф залез на стог и стал по-хозяйски вершить. Но Федя видел тревожный взгляд Графа, который тот нет-нет да и кидал в степь.

Ох, не так все это. Не так... Не чисто тут дело. А может, и впрямь отходы? Разрешил директор для рабочих, а те сложились и выменяли сено. Да разве бы поехал для всех дядя Граф? Если поехал бы, то для того только, чтобы себе отхватить по-

больше да получше. А с других и самогона еще содрать... Эх, если бы подъехал дядя Ульянов!

Завершив стог и прижав его сверху тяжелыми березовыми вицами, Граф соскользнул на землю.

— Теперь навроде порядок. А то и взаправду не похвалили бы председатель,— сказал он, отряхиваясь и подмигивая Тимохе-вохе.

Буран еще вовсю свирепствовал, когда они выехали на дорогу. Федя сидел на заднем возу. Граф и Тимоха-воха — на переднем. Они о чем-то спорили... Иногда Федя ловил их взгляды, от которых ему становилось страшно. Мерзли мокрые колени, знобило.

Съехали под увал. Стало тише. Но снег все валил. Теперь летели большие хлопья. Летели так часто, что не было видно переднего воза. Лучше бы отсидеться Феде у тети Ньюши. Пусть лучше опоздал бы в школу. Да кто думал-то!

Что-то душно стало. Федя лег на возу. Положил под голову мешок. Ой, какой он жесткий да твердый стал... Что это? Кажется, остановились. Федя открыл глаза, глянул вперед. До него донесся сердитый голос Тимохи-вохи и испуганный — Графа. О чем это они? Ох, как болит голова! Даже глаза ломит. Что это? Неужели вечер? Федя посмотрел в небо, солнца нигде не было. В лицо влипла сразу целая пригоршня обжигающих снежинок. Федя отвернулся и лицом уткнулся в мешок.

— И черт с тобой! — донеслось до Феде.

Это Тимоха-воха за что-то сердился на Графа.

О чем это они? Граф что-то лепетал, просил, кажется.

— Размазня ты, размазня... Ни один черт не подкопался бы. Веревку, веревку на шею подхватил себе... Понял?

Граф стал возражать.

— Не могу!.. — взвизгнул он. — Осатанел ты, что ли? Ведь дите совсем...

О ком это он?.. Уж не о нем ли?.. Страшная догадка кольнула сердце. Федя встрепенулся, поднялся было, но тут же опустился на мешок и впал в забытие... Все равно... Все равно... Все равно...

Федя почувствовал, что воз качнуло. Поехали, значит... Не заболеть бы совсем... Не сорваться с воза. Упадешь и не заметишь. Так и останешься лежать на дороге...

Федя испуганно схватился за бастрык. Подсунул под него руки и бессильно уронил голову. А голова горит, горит... И путается почему-то все... То тетя Ньюша лапшой угощает его... То вдруг дядя Ульянов грозит пальцем.

— Дядя Ульян, дядя Ульян! — прошептал Федя. — Я тебе все расскажу... Все...

Не видел уже Федя, как, махнув рукой на перепуганного Графа, Тимоха-воха злобно выругался, соскочив с воза, стал поджидать последнюю подводу, как побелевший от страха Граф вдруг стал яростно нахлестывать своего коня, чтобы не видеть, не слышать ничего, уехать подальше от этого страшного места.

А снег валил и валил, заматывая следы и дорогу. Становилось темно. Когда Федея подвода поравнялась с Тимохой-вохой, он изловчился, ловко ухватился цепкими ручищами за бастрок и легко вскочил на воз. Тимоха-воха наклонился над Федей, приподнял его голову и заглянул в лицо...

— Иди... иди спать... А куклу тоже положи... Слышь, Танька? — бессвязно бормотал мальчик.

Тимоха вздрогнул. Мрачная решимость в глазах сменилась испугом.

— Ты... чиво? — прохрипел он, пристально всматриваясь в лицо Федеи.

Жаркое, прерывистое дыхание мальчика озадачило Тимоху. Он медлил, что-то раздумывая. Увидев мешок, Тимоха быстро ощупал его, притянул к себе. Выпущенная из рук голова Федеи упала, стукнув о бастрок.

— Подохнешь сам, — криво ухмыльнулся Тимоха и разрезал мешок. Он вытащил из него калач, тут же разломил его и стал запихивать в рот. При виде сала глаза Тимохи хищно блеснули:

— Запасливый парень... Хы! Витамин сальце... Хы!..

Давясь мерзлым калачом, Тимоха-воха с жадностью запустил зубы в сало, зачавкал, засопел.

А снег все валил, и не было, кажется, ему конца. Фыркая, тяжело шли кони. На их намокших спинах скручивалась шерсть.

Несколько минут Тимоха-воха сосредоточенно рвал зубами сало, жмуря от удовольствия маленькие глазки. Узкий лоб прорезали складки. Тимоха-воха что-то соображал. Он снова запустил руку в мешок, вытащил последний кусок сала и, положив его себе за пазуху, сунул мешок под голову Федеи. Потом снял с Федеи шапку и, швырнув ее далеко в снег, соскочил с воза. Взглянув последний раз на мальчика, он махнул рукой:

— Загнешься сам. Не протянешь долго.

Довольный собой, Тимоха-воха скривил в улыбке губы и стал логонять передний воз.

Увидев Тимоху-воху, неожиданно вынырнувшего около во-

за, Граф с ужасом уставился на него. Тимоха-воха, запаленно дыша, презрительно хмыкнул:

— С тобой только... Мокрица!

Граф молча рассматривал его руки.

— Чего уставился?.. Стану я поганиться... Сам дойдет... Жар у него... Шапку потерял... Сдохнет...

— Как же? Как же тогда, Тима?

— У-у, мокрица,— злобно бросил Тимоха.— Блудить можешь, а следы...

Успокоившись, добавил, как уже давно решенное:

— Околеет — скажем, подобрали на дороге. А будет жив — отнесешь матери... Мол, случилось дорогой...

Лицо Графа просветлело. Он с благодарностью посмотрел на племянника.

— Голова у тебя генеральская... Спасибо... Не мог бы я... Не привычен еще, Тима... Такое дело...

— Ладно нить,— оборвал его Тимоха-воха.— В Березовом логу останови коней. С часок затынем. Рано ведь. Пусть и тот полежит лишнее время. Понял?

...Федя очнулся от какого-то звона. Будто бьет кто-то в за-слонки и тазы, отгоняя от фермы волков.

— Бум! Бум! Бум! — звенело вокруг. Шум, крики, даже голоса бабьи чудились: улю-лю! улю-лю!

Бум! Бум!.. И вдруг все исчезло. Федя открыл глаза. Зубы его стучали от холода. А голова горела. С трудом он поднял ее. Темь кругом. Ничего не видно. Да где же он? Почему один? Феде стало страшно и он закричал:

— Мама! Дядя Ульян! Ма-ма! Ма-ма!

Никто ему не ответил, и Федя почувствовал, как по щекам его потекли слезы. Что-то легко, совсем легко на голове, будто на ней и не было шапки. Он с усилием поднял руку, дотянулся до головы и вздрогнул: шапки не было. «Упала... Значит... Значит, потерял в дороге,— вспыхнула мысль.— Сжаться бы... Сжаться в комочек, чтобы уйти всему в полушубок. Как же теперь без шапки? Снег, кажется, уже не идет, а холод стал еще больше». Федя открыл мешок и сунул в него голову. Снова ему стало жарко. Снова откуда-то донеслось: бум! бум! бум! Но звук стал тоньше, тоньше. Это колокольчик в школе. Пора на урок. Ребята бегут в класс. По лестнице барабанят десятки ног:

— Бум! Бум! Бум-бум!..

А он сидит под лестницей и не может вылезть. Вот, наверное. Нина Васильевна уже вышла из учительской со стопочкой

тетрадей, а он все сидит и сидит и никак не может выбраться. Как тут душно! И почему стягивает голову, будто обручем?

\* \* \*

Тишина. Только за стеной, кажется, тикают ходики. И чем-то пахнет, вроде лекарства. Почему так тихо? Но вот кто-то скрипнул стулом, кто-то сказал:

— Т-с-с!

Может, все это кажется Феде? Однако шепот... Шепот он ясно слышит. Федя открыл глаза и тут же закрыл их. Такая светлая и высокая комната, будто он в классе. Что случилось? Федя приоткрыл ресницы и стал наблюдать. Вот к нему подошла высокая женщина в белом. Со стула тоже кто-то приподнялся. Тогда Федя совсем открыл глаза и с удивлением осмотрелся. Женщина в белом наклонилась над ним, улыбнулась.

— Живем? — весело сказала она.

Федя кивнул головой и поморщился: в голову будто кто-то иголку всадил. Он втянул воздух, стиснув зубы, застонал.

— Не шевелись, Федя, — так же ласково, но уже со строгими, твердыми нотками в голосе сказала женщина.

— Феденька! — с дрожью произнесла другая женщина, и Федя узнал в ней тетю Нюшу.

— Тетя Нюша! — пискнул Федя.

— Лежи... Лежи, Федор.

— А мамка где? — спросил Федя.

— Домой ушла. А я вот за нее. Дежурили попеременно. Какой ты был. Чистый покойник! — тетя Нюша покачала головой. — Алевтине Васильевне спасибо. Вот-вот, думали, кончишься...

— Не кончусь, — прошептал Федя уверенно.

И вдруг Федя вспомнил буран, степь, возы с сеном. Но было ли это? Может, почудилось? Вот он попрощался с тетей Нюшей и пошел... Потом начался буран. Потом он кого-то встретил... Но кого? Кажется, они посадили его на воз... Нет, не помнит он. Не помнит.

— Ведь чуяло сердце-то... Чуяло, — жалостливо начала тетя Нюша. — Пошел, а тут буран... А назавтра по телефону сообщила Степанида-то: подобрали будто тебя у самого Чистого Истока... Лежишь вдоль дороги и без шапки...

— По... Подобрали?

— Кажись, Евграф Тюнькин... По оденкам он ездил... Ковырял остатки соломы. Ну и прихватил буран-то... Глядит: ле-

жит мальчонка вроде... Он говорит, что снял шубу и голову твою укутал, а сам в телогрейке доехал... Спасибо человеку...

— Граф! — прошептал Федя, и лицо его стало белей стены.— А сено... Как сено-то... Выменивали или как?

Тетя Ньюша удивленно вскинула брови.

— Да ну его к лешему! О чем вспомнил.

— Граф! — закричал Федя.— Граф!

К Феде бросилась Алевтина Васильевна.

— Нельзя! Нельзя волноваться, Федя. Ты же ведь большой. И что тебе эти графы дались? Бредил ими. Успокойся, успокойся. Сейчас самое лучшее — поесть. Давно ты не ел. Четыре дня.

— Четыре дня! — поразился Федя.

Не знать бы ничего про Графа. Не будет он о нем говорить больше. Вот выздоровеет — тогда. Тогда посмотрит... А поесть он не против. Совсем ведь ослаб. Даже голову поднять не может.

Кормила его няня. Ой и неприятно же, когда тебя с ложки, будто ребенка, кормят. А манка вроде и не манка — никакого вкуса. Чай, говорит няня, сладкий, а ничего не поймешь. Даже белая булочка, такая с виду вкусная, — трава и трава. Вот голова кружится, так и тянет на подушку.

После обеда Федя уснул. И проспал вечер, всю ночь, до самого утра. Никогда столько не спал.

Интересно, знают ли ребята о том, что вот он лежит здесь в больнице один? Наверное, знают. Спросит же Нина Васильевна, где он, почему нет на уроках. Знают, и не забежит ни один, хотя бы после школы. И даже Семка Рыжих, с которым они с первого класса на одной парте сидят, и тот не идет. Рассказал бы, как там в школе, что нового. Ему, Семке, Федя, пожалуй, мог бы рассказать о своей тайне. Хороший он, Семка. Смекалистый парнишка. Ему что-нибудь к выставке смастерить — раз плюнуть. Дошлый. Говорит, инженером станет. У Семки года три вместе с учебниками лежит журнал «Знание — сила». Очень интересный журнал. Семка, поди, наизусть его знает. Там про технику много, загадки природы... Пришел бы уже, что ли, Семка-то. Настик-Головастик вот тоже. Вредная девчонка, вертоголовая. И такая назойливая, беда! Захочет что — не отвяжешься от нее. Как тогда перед каникулами. Пошли на увал с трамплина прыгать на лыжах, и она увязалась, а сама и ходить на лыжах-то как следует не может.

— А ты не задавайся, Федька, учи! — потребовала она от него.

— Вот еще, была нужда! Как тут учить? Становись на лыжи и катись под гору. Устоишь — твое счастье.

— Нет, ты покажи!

— Ты как к трамплину подходишь,— сказал ей Федя,— так не вперед, а назад наклонись или в бок...

И послушалась, дура! Как-ак шлепнулась в сугроб, едва наши ее... Смеху-то было.

Федя усмехнулся, вспоминая об этом, сейчас почему-то не понравился ему этот случай... Подумаешь, подвиг совершил. Можно сказать, столкнул девочку в снег.

— Зря,— прошептал Федя.

Зашла Алевтина Васильевна.

— А к тебе гость. Друг, наверное,— улыбаясь, сказала она.— Сейчас халат наденет...

В дверях показался мальчик в длиннющем халате. В руках узелок. Кто это? Сережка Тюнькин! Загадочно улыбаясь, он подошел к тумбочке и стал развязывать узелок.

— Здорово, Федька! — проговорил он.— А я тебе что-то принес. Папка говорит: «Неси мигом и пусть кушает». Пусть, говорит, кушает да побыстрее поправляется.

По тумбочке разбежались белые, пышные калачики.

— На, Федька. Ты попробуй. Они сладные,— Сережка разломил один и сунул в рот себе половинку.— Рассыпчатые, ужась... Хи! Ешь. Я еще принесу. Папка говорит...

Федя покосился на калачи, потом пристально посмотрел на Сережку.

— Знаешь что, Серега,— сказал он, сдвинув брови.— Иди-ка ты со своими калачами отсюда. Понял?

— Да ты что? Ты что? — оробел Сережка.

— Вот и все. Иди и не приходи больше, а калачи с отцом ешьте. С Тимохой-вохой своим... Потому что... Потому что... Может, им не придется больше их есть.

Сережка стал торопливо рассовывать калачи по карманам. Федя энергично добавил:

— Уматывай! Уматывай!

Когда ушел Сережка, Федя, встревоженный, отвернулся к стене. Купить хотят! Но его не купишь никакими калачиками. Вот немного станет лучше, и тогда он расскажет всем...

К нему подошла Алевтина Васильевна.

— Федя,— сказала она мягко,— разве можно так встречать друзей?

— Он не друг мне,— буркнул Федя.

— Что же произошло?

— Я вам расскажу после... Можно?

— Хорошо, Ерш Ершович,— Алевтина Васильевна улыбнулась, заботливо поправила одеяло.

— Отдыхай. Набирайся силы.

— Наберусь,— буркнул Федя.— Только вы его больше не пускайте.

— Конечно! Можно вообще никого не впускать.

— Нет, что вы! — испугался Федя.— Как же одному-то? Может, придут мальчишки. И может, девчонка одна. Такая смешная. Все свой нос сует куда не следует. Эти-то ребята хоть куда. Они и про школу и уроки могут... А Сережка понаврет все. И вообще он никудышный. В отца, наверное, пойдет... Федя помолчал, подумал о чем-то и вдруг решительно добавил.— Вы эту девчонку тоже не пускайте. Не надо. Будет тут ахать да охать... Ладно?

Алевтина Васильевна молча кивнула. Нет, интересный мальчишка. Клоп, а столько мужества. Ведь руки у него болят. А он даже не вспомнит о них. А в глазенках какой-то мучительный вопрос... Что-то гнетет его.

— Федя,— сказала Алевтина Васильевна, пристально посмотрев ему в глаза.— У тебя есть что-нибудь сказать? Ты не доверяешь мне?

Федя заморгал большими ресницами, насупился.

— Хорошо, я не настаиваю. Отдыхай...

Она уже пошла к двери, когда Федя остановил ее странным вопросом:

— Скажите, вот человек разорил колхоз. Ему никого не жалко, ни с чем он не считается. Лишь бы себе. Лишь бы он хорошо жил. Такого человека можно жалеть? Скажите, можно?

— Такого жалеть нельзя. Он опасный для общества человек,— сказала Алевтина Васильевна.

— И даже... если он... дядя?

Пытливый взгляд в сторону врача.

— Думаю, что если даже...

— Вот и я так думаю,— произнес Федя решительно, и тотчас же бледное лицо его покрылось пунцовыми пятнами.— А потом мне лучше бы дома...

Взволнованная Алевтина Васильевна поспешила успокоить мальчика. Она была очень недовольна собой за то, что позволила растревожить у больного ребенка какие-то незажившие раны.

Вечером, прямо с работы, зашла мать. Она была очень

встревожена. — Ну и слава богу... Дома-то лучше, а лекарства из аптеки будем брать...

Федя ждал. Он чувствовал, что другое на душе у матери, но она не хочет сказать сразу. Стала рассказывать о работе, о буранах.

— Хлюпаемся, хлюпаемся весь день с лопатами, — говорила она, — только дороги к складам прочистим, — а в ночь он опять сорвется откуда-то и опять по колено навалит. Чистая напасть.

Федя слушал и терпеливо ждал, поглядывая в глаза матери. Какая же она стала худая, маленькая, мамка-то... И глаза ее стали испуганными, печальными. «Трудно ей, бедной, — подумал Федя. — Ведь одна. А тут я еще».

— Ты шибко-то не старайся, — сказал Федя. — Надорвешься там со своими мешками.

Мать оценила заботу сына, высказанную грубовато, неумело. Искры света блеснули в ее глазах.

— Ничего! Как-нибудь! Вот Евграф обещает весовщицей сделать. Все легче будет. Ты знаешь, он другой стал. Будто подменили. Каждый день о тебе справляется. И обиделся. Шибко обиделся на тебя, что прогнал Серегу. Какой, говорит, он злой памяти человек. Из-за шестеренки все дуется...

Вот о чем она хотела сказать!

— Он-то знает за что, — буркнул Федя и нахмурился. Не стоит пока ничего говорить матери. — А тетя Ньюша уехала? — спросил он.

— Уехала. Как тебе полегчало, так и уехала.

Федя больше ничего не сказал. Уходя, мать почему-то вспомнила:

— Тимоху-то... Помнишь?

— Ну?

— В военкомат звали. Наверное, возьмут на войну. Пьет. Хотя бы прибрали его, идола. Ненадежный он какой-то. Глазами так и зыркает, будто бес.

Ушла мать. Федя лежит в постели, думает. Значит, обхаживает ее Граф. Только пусть учтет — никто не думает прощать то дело. Вот еще день—два, и он всем расскажет о преступлении...

Шестеренка! Ишь куда метнул!

Вечером в халатах, словно белые зайчики, ввалились к Феде пугливой стайкой, озираясь и оглядываясь, ребята. Мальчишек Федя даже не узнал, зато Настика-Головастика сразу. Тоненьким голоском, по-хозяйски, она пропищала:

— Не топчите шибко пол, ребята, тут вам больничная палата, а не что-нибудь такое...

Она повела носом. Передернула плечиками и деловито осведомилась:

— Если вам, Алевтина Васильевна, нужно будет попилить дров или там помочь что — мы это мигом. У нас хорошая сан-дружица.

Семка достал из кармана ножичек, дощечку и стал вертеть ее в раздумье, соображая, с какого бока начать ее строгать. Настик-Головастик вырвала у него ножик и строго сказала:

— Ты бы еще фуганок сюда притащил. Открывай сумку!

Семка виновато шмыгнув носом и достал из сумки тетрадку.

— Вот, дробы начали изучать. Слушай!

Все сгрудились около Феди. Тыча пальцем в тетрадку, Семка стал разъяснять.

— Вот такой клеточкой, как в поленнице, тянутся они... Сверху числитель, а внизу — знаменатель...

Молодцы ребята! И Настик-Головастик ничего. Ничуть даже не обижаются. Забыла, видать, про старое.

Показали ребята и по русскому языку что учить. Вот он сейчас, что надо выучит, а ночью повторит про себя, чтобы не забыть...

А ночью случилось вот что.

Ночью появился в палате новый жилец. Его кое-как занесли на носилках. Потом уколы, что ли, ставили ему. Долго, очень долго возились с ним. И вот он лежит без движения в том углу. Может, уже и не жилец больше?

К полудню он вдруг хрипло закричал:

— Пи-ить!.. Эй, халявы! Горит все! Горит... Ч-черт, лошадиную дозу хватил, наверное... Загнусь, ей-бо, загнусь... Э-эй! Подошли там, что ли, помощники смерти!

Федя испуганно откатнулся к стене. Сердце его рванулось, забилось толчками. В двери показались одна за другой сначала сиделка, потом сестра.

— Что кричишь? — спросила сестра строго.

Больной грязно выругался, сплюнул на пол и прохрипел:

— Пить... Оглохли, ей-богу... человек сдыхает, а им и горя мало.

— Не сдохнешь теперь... Отходили, — насмешливо бросила сестра. Придется ответ держать.

— Что-о? — рявкнул тот. — Угрожаешь? Передаваю вас ночью и смоюсь, только и видели меня...

По голосу больного Федя узнал Тимоху-воху. Мальчик

укрылся с головой, боясь пошевелиться. Потом решительно поднялся и, поманив пальцем сиделку, прошептал ей, чтобы позвала врача. Алевтина Васильевна пришла тотчас.

— Алевтина Васильевна,— горячо зашептал мальчик.— Я не останусь с ним. Не могу. Просто не могу... Это он...

— Кто?

— Тимоха-воха... Вор... Бандит... Его задержать надо... Это он с Графом колхозное сено увез. Смотрите, убежит от вас...

Часа через два Федю перевезли домой. В коридоре больницы, Федя это заметил, дежурил милиционер.

Мать долго плакала. Не хотела верить! А Феде было стыдно за нее. Как же это? Даже такое она может простить Графу!

— Уж пусть бы кто другой, Федя, — говорила она жалостливо.— Как-никак, дядя все же... Шут с ним, с сеном этим... Ну, попутал бес.

Нет, надо самому решать. Надо заявить... Вот придут ребята и вместе... Настик-Головастик можно и не говорить, а Семке... Тому можно.

Было воскресенье. День выдался ясный, солнечный. Небо синее-синее, солнце такое ласковое, хоть и не совсем теплое.

Ребята пришли с санками. Федя оделся, кое-как натянул рукавицы на больные руки и пошел кататься. «Дорогой все и расскажу», — решил он.

За ребятами увязался и Серега Тюнькин.

— Вы что шепчетесь? — напустилась на Федю и Семку Настик-Головастик.— Тайна? А ну, давайте тайну...

Она была так упорна и настойчива, что Федя махнул рукой и все рассказал.

— Я знаю, где прокуратура,— сказала Настик-Головастик.— И если ты трусишь — сама пойду.

Федя презрительно сплюнул.

— Болтушка. Тебе слова нельзя сказать. Заявление надо.

— А мы так заявим...

— Вообще-то, конечно,— задумчиво произнес Федя,— мать вот у меня...

— Она поймет... Не может она, — успокоила его Настик-Головастик.

Когда Федя рассказал о встрече с Тимохой-вохой, Настик-Головастик взвизгнула от удовольствия. Уж очень получилось здорово. Этот бандюга с вилами на стогу, и он, Федька, кричит им: «Не смейте! Не смейте колхозное сено брать»... А вокруг буран, ветер, снег. Ух, здорово!

Ребята не заметили, как стемнело. Шли домой порядочно

уставшие. У прокуратуры Настик-Головастик оглядела улицу и толкнула ребят в ограду.

— Пошли. Прокурор, сама видела, зашел сейчас. Серьга умотал домой. Что-то он со сторожем шептался? Видели там, в Заготзерне?

Из прокуратуры ребята вышли довольно поздно. Все-таки пришлось писать. Правда, писала Настик-Головастик, а Федя диктовал, а потом расписался едва-едва...

Прокурор поблагодарил и пообещал в ночь же выехать в Туманку.

Уставшие, проголодавшиеся ребята оставили у Феди свои санки и пошли домой.

Граф не дремал. Он сначала действовал через мать. Пообещал ей «легкую» должность весовщицы отходов.

— Мать ты ему или не мать? Припугни, мол, выгоню. Заставь молчать.

Мать, мучаясь в душе, соглашалась. Дома плакала, упрашивая Федьку помалкивать. Федя ничего не отвечал ей. И это ее больше всего беспокоило. Пугал ясный, такой твердый, укоризненный прямой взгляд сына. «И чего я с тем окаянным связалась? Сына мучиться заставляю! — в отчаянии думала мать. — Пусть как хочет, так и поступает», — наконец решила она.

Заметив перемену в поведении Степаниды, Граф стал приглядываться к ней. Серегу заставил глаз не спускать с Феди. Пришлось ему, хотя и не хотелось, пойти с ребятами кататься на санках с яра. Катались дотемна. И Серега все сделал так, как велел отец. Он поговорил со сторожем. В разговоре, будто случайно, бросил:

— И товарищей-то нету. Все шепчутся что-то. Какие-то тайны, тайны.

— Это чьи же? — поинтересовался сторож

— А Степаниды Федька, Семка Рыжих. И девчонка. Про-скурина Настя.

Все сделал Серега, как велел отец. И, оставив ребят на яру, пошел домой.

Граф решил действовать, проклиная в душе трусость, проявленную им в тот буранный день. «Прав ведь был Тимоха... Эх ты, тюря... Теперь вот расхлебывай... Теперь вот попробуй выбраться...»

Днем, улучив минутку, когда в крайнем к берегу складе никого не было, Тюнькин ломиком выбил несколько плах в сте-

не и тут же осторожно приставил их обратно. Насыпав два мешка пшеницы, он добавил сверху отходов. Потом взял у директора разрешение на вынос отходов и предложил Степаниде.

— Бери, к весне не будет. Проведешь, что ни на есть...

Степанида согласилась. Как-никак полтора центнера отходов. Все, небось, килограммов двадцать пять зерна навезть можно. Она поблагодарила Графа и побежала тут же к складу. Зашла в склад. И сразу же бросились ей в глаза два мешка, уже полные отходов. «Вот возьму их, а мешки верну»,— решила Степанида.

Евграф Тюнькин, между тем, зашел в проходную и строго наказал сторожу:

— Сегодня кой-кому отходов выписали,— смотри в оба. Слышь? Проверь, развязывай каждый куль. Не зевай. А то могут и пшеничку потащить.

Степанида хотела найти Евграфа, чтобы спросить разрешения на эти два мешка, но Тюнькин куда-то исчез. Степанида хотела уже пойти домой за мешками, но подумала: «Да что я ворую, что ль? Вечером и верну мешки».

В проходной подводу остановил сторож.

— А ну кажи, кажи,— приказал он.

— Вот разрешение,— сказала Степанида и показала ему бумажку.

— Развязывай,— настаивал сторож.— Приказ имею.

— Да отходы же, Савелий! — воскликнула Степанида.

— А вот посмотрим.

— Гляди, гляди,— рассердилась Степанида.— Ишь какой бдительный нашелся!

Старик засунул руку в мешок. Потом вытащил ее, разжал ладонь, и Степанида вскрикнула от удивления: на ладони лежали отборные зерна пшеницы. Степанида испуганно посмотрела на сторожа. Он и сам, видно, не ожидал, что так случится, стоял и кричал, не зная, что делать. В это время в проходную вошли Евграф и директор пункта.

— Это что такое? — остановился директор. Евграф схватил за руку старика и притянул к лицу его ладонь с зерном.

— Да вот, значит... Тут, значит, обнаружил,— пробормотал старик, не веря своим глазам. Знал он хорошо Степаниду и никак не мог поверить тому, что она украла. Степанида стояла бледная и во все глаза смотрела на зерно.

— Не знаю... Не брала... Ничего не знаю...

— Что? — грозно спросил директор и, сверкнув очками, тут же приказал Тюнькину: — А ну-ка, позвони в милицию.

Евграф укоризненно посмотрел на Степаниду, помялся и пошел к телефону.

Пришел милиционер и задержал Степаниду. Обследовали склад и обнаружили выломанную стену. Допросили сторожа. Тот испуганно пожимал плечами.

— А подозрительных никого тут у склада не замечал? — спросил Граф. — Скажем вчера, позавчера?

— Никого, ей богу! Разве что ребятишки тут катались! Обследовали каток. Ребятчи следы подходили к самому складу.

— Ты что же, старая тетеря, голову нам морочишь? — закричал Евграф. — Ворон ловишь? Кто был из ребят?

Дошла очередь до Феди с ребятами. Всех их прямо из школы вызвали на допрос.

— Ребят не держать, — приказал начальник милиции. — А с вас придется взять подписку о невыезде, — кивнул он в сторону Степаниды.

В тот же день директор пункта написал приказ об ее увольнении с работы.

Молча шли ребята от следователя. Как слепая, поминутно сходя с тропы в снег, брела ошеломленная случившимся Степанида.

У самого дома их догнал на коне Тюнькин. Он сдержал коня, посмотрел на ребят и, обращаясь к Степаниде, со вздохом обронил:

— Доигралась со своим обормотом. Он тебя доведет до тюрьмы.

Степанида качнулась, как от удара. Глаза ее сверкнули гневом:

— Врешь, гадина! — закричала она. — Врешь! Это твоих рук дело. Это ты... Это... твоих рук дело. Это ты. Это...

Она задохнулась от обиды и возмущения и, не выдержав, бросилась на Тюнькина с кулаками. Ребята удержали ее.

— Ма... Не надо... Не бойся... Мы все разузнаем... Вот придет прокурор... Увидишь, — говорил Федя.

Евграф сплюнул и погнался коня.

Из ворот вышел Серега и крикнул, держась за калитку:

— Воры-ы! Вор-ы-ы! — и показал язык.

Тут уж Федя не стерпел. Сильный удар под ногу — и Серьга зарылся носом в снег.

Семка и Настик-Головастик остались в эту ночь у Феди. Ребята были подавлены. Они терялись в догадках, соображая,

как это все получилось. Степанида внезапно расхворалась. Нас-стик-Головастик дежурила у ее кровати.

Глубокой ночью кто-то постучал в окно. Ребята, дремавшие уже, встрепенулись, соскользнули с полатей и, открыв дверь, вышли в сени. Во дворе слышался скрип полозьев, фырганье лошадей, голоса.

— Кто там? — крикнул Федя, не открывая сенную дверь  
Веселый голос ответил:

— Это мы, Федя. Мы... Открывай!

— Дядя Ульян! — воскликнул обрадованный Федя и отдернул из гнезда деревянную задвижку.

С дядей Ульяном вошли в избу трое: незнакомый Феде пожилой мужчина, весь в сосульках, будто кто впрял в его бороду и усы серебряные гвозди, молодой парень в белом полушубке (его-то, кажется, видел Федя в Туманке) и тетя Нюша.

В избе стало сразу прохладно и шумно. Увидев сестру, Степанида заплакала. Ульян, как перешагнул порог, так сразу же схватил в охапку Федю и все тискал его в своих руках, колот в шею, то в щеку колючей бородой, обдавая холодом и табаком.

— Спасибо, герой... Спасибо! — говорил он взволнованно. — Молодчага, Федя! Настоящий ты орленок! И спасибом мы не отделаемся, не думай, премию тебе вырешили...

Ребята переглянулись. У Насстика-Головастика светлячками загорелись глаза, и она с гордостью сказала, будто ее похвалили, а не Федю:

— Пионер не за подарок работает...

Дядя Ульян вприщур посмотрел на девочку и, как показалось Феде, чуть-чуть улыбнулся в усы.

— Конечно, конечно, — сказал он. — Только от благодарности еще никто не отказывался... А? Не так ли? — он весело осмотрел ребят.

— Ясное дело, — буркнул Семка.

— Ну вот... А теперь такое дело: вы скипятите самоварчик. Зайдем часа через два. Вот смечем сено на воза и забежим чайком погреемся... Идет?

— Какое сено? — спросили враз ребята.

— Так вы не знаете? — удивленно воскликнул дядя Ульян. — Забираем у вашего соседа Тюнькина. С прокурором сейчас заезжали. Описали его и увезли. Сам прокурор увез. Так-то. А сено наше. Я сразу признал. Хоть и ночь на дворе. Да он, видать, тут же и обмяк. Сознался.

...Прошло дня два. О Феде говорило все село. Им горди-

лись сверстники и школа. Как-то рано утром за Степанидой пришел посыльный от директора зернопункта. Директор извинился и пригласил на работу весовщицей.

Федя получил от колхоза новенький черненький полушубок.

Вручали на торжественной линейке в школе, перед всей дружиной.

А с Настиком-Головастиком Федя теперь почти совсем не спорит. И правда: к чему? С ней можно ладить, с Настиком-Головастиком. И вовсе она не головастик. Выдумает же кто-то такое. Прямо обидно. Девчонка, как девчонка. Даже, пожалуй, лучше других.

## СО Д Е Р Ж А Н И Е

Горный цветок . . . . .	3
Томый . . . . .	12
О чем пел сказитель . . . . .	22
Амыр спешит в школу . . . . .	33
Федькина дорога . . . . .	48

*Александр Михайлович Демченко*

### ГОРНЫЙ ЦВЕТОК

Рассказы для детей среднего возраста

Художник *В. Раменский*

Редактор *А. Журавлев*

Технический редактор *Г. Жданова*

Корректор *Л. Конева*

---

Сдано в набор 24. XII. 1962 г. Подписано к печати 16. II. 1963 г.  
Формат 60×84<sup>1</sup>/<sub>16</sub>—4,5—4,18 усл. п. л. (4,29 уч.-изд. л.).  
АГ 00590. Заказ 2508. Тираж 50 000 экз. Цена 13 коп.

---

Алтайское книжное издательство, Барнаул, М. Горького, 39.  
Типография № 1 Полиграфиздата, Барнаул, Л. Толстого, 29.

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ  
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ  
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

22/11.112.

Коллич. предыд. выдач \_\_\_\_\_

ЦЕНА 13 коп.

АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО  
1965